

ВЛАДИМИР КАЗАКОВ

ПОСЛЕ ОТСТОЯ ПЕНЫ

ИСТОРИЯ МОСКОВСКИХ ПИВНЫХ

18+

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва. Лучший город Земли

Владимир Казаков

После отстоя пены. История московских пивных

«Эксмо»
2026

УДК 641.44(470-25)
ББК 65.431(2-2Москва)

Казаков В. И.

После отстоя пены. История московских пивных / В. И. Казаков — «Эксмо», 2026 — (Москва. Лучший город Земли)

ISBN 978-5-04-242701-5

Честная, ироничная, местами лирическая книга о мужской дружбе, городском фольклоре, исчезнувших маршрутах и той Москве, где пивная была формой жизни. Здесь пивные — не фон, а главные герои: - культовая «Яма», где сходились философы, хиппи и богема; - «Жигули», пережившие упадок, возрождение и визит первых лиц государства; - «Сайгон», окруженный валютными легендами и андеграундной славой; - пивные Парка Горького и ВДНХ, где пена, очередь и разговор были важнее меню. Вы узнаете: - почему пивные называли «вторыми редакциями» газет; - где обсуждали дела сотрудники МИДа и контрразведки; - как пили из банок, пакетов и бидонов в эпоху дефицита кружек; - какие пивные вдохновляли писателей и сами вошли в литературу; - почему пивная была честнее любого клуба. Для всех, кто любит Москву, городские легенды, живую историю и настоящую репортажную прозу. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 641.44(470-25)
ББК 65.431(2-2Москва)

ISBN 978-5-04-242701-5

© Казаков В. И., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

История московских пивных 6
Пошли в «Яму»! 12
Пивной бар «Ладья» 12
А соберемся, пожалуй, в «Жигули»! 25
Пивной бар «Жигули» 25
Гулять в Парк Горького! 39
Пивной бар «Пльзеньский» 39
Конец ознакомительного фрагмента. 53

Владимир Казаков
После отстоя пены
История московских пивных

Во внутреннем оформлении использована фотография:
© Дмитрий Астахов / РИА Новости

© Владимир Казаков, текст, 2026
© Василий Колотев, иллюстрация на обложке, 2026
© Алексей Иорш, иллюстрации, 2026
© Владислав Быков, фотографии, 2026
© Киноконцерн «Мосфильм», фото, 1979
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Спасибо художнику Алексею Йоршу за прекрасные рисунки к каждой главе.

И особая благодарность выдающемуся художнику Василию Ивановичу Колотеву за картину «И корабль плывет… Пивная» на обложке. Это Коробейников переулок. Все персонажи там реальные люди, картина написана в 1979 году.

* * *

История московских пивных

Я очень давно хотел написать о московских пивных. Не соврать, лет двадцать назад подготовил заявку в одно издательство. И мне ее даже одобрили. Но времена были бурные, издательство накрылось медным тазом, прежде чем я сел за стол.

Уже тогда понимал, что традиционные московские пивные уходят безвозвратно. Исчезли они не только как точка общепита (этим, надо сказать, они были не особо интересны). Пропала навсегда важная социальная составляющая нашей поздней советской эпохи.

Эпохи, когда мы были юными и молодыми. Как гласит одно из корневых русских выражений – во времена, «когда деревья были большими». И для каждого поколения есть свои такие деревья. И в символическом смысле, и в реальности.

Кстати, во многих простеньких московских пивных, в летних загончиках, были именно такие деревья, которые росли, мужали и старели месте с обитателями этих забегаловок.

Для нормального человека прошлое всегда кажется светлее и чище. То, что мы ругали тогда, сейчас кажется милым и слегка наивным. Так что же такое за явление в истории Москвы – пивные?!

Моя юность и молодость, совпавшая с брежневским и позднесоветским временем, были абсолютно раздолбайскими. И я облазил все эти московские пивняки вдоль и поперек. Конечно, я был далеко не во всех заведениях Москвы. Это просто физически невозможно. Здоровья не хватит. Но многие стали для меня, да и многих моих друзей, практически родными.

Казалось бы, что может быть интересного в пивных?! «Дело-то житейское», как любили тогда цитировать Винни Пуха. По сути, наливай да пей. По ассортименту они все были похожи. Но на самом деле все гораздо сложнее. Пивная того времени – это не просто заведение, где разливают пиво.

Это непарадная, неофициальная центральная точка того или иного района. В своем роде вариант русской общины или атеистический вариант церковного прихода, прости господи, где все друг друга так или иначе знают.

Кто женился, кто развелся, у кого на работе проблемы, у кого все хорошо, как сыграли «Спартак» или «Динамо», – все эти вопросы были в центре внимания. Тут можно было обсудить новый фильм, найти правильного врача или парикмахера, устроить ребенка-раздолбая в институт или на работу.

Пивные посещали люди совсем разного достатка. Часто там можно было видеть знаменитых артистов, писателей, художников. Или вот, например, в районе метро «Смоленская» и «Арбатская», почти напротив друг друга, находились две крошечные «точки». По обеим сторонам Садового кольца. Та, которая на стороне Министерства иностранных дел, в народе называлась «У Андрея Андреевича». То есть имелся виду Андрей Андреевич Громыко, многолетний министр иностранных дел СССР. (Пивные, надо сказать, никакие. Маленькие, обшарпанные. Обе.) Так вот, и там, и там вместе с местными обывателями, работягами в спецовках, спокойно стояли и множество сотрудников МИДа! В белых рубашках и галстуках. И никого это не смущало.

У некоторых москвичей в пивных даже проходила часть работы. Или, точнее, службы. Например, мой друг, ветеран контрразведки, рассказывал, что в советское время встречи с агентурой у него проходили в пивном баре «Жигули» на Калининском проспекте (Новом Арбате).

Если раньше место жительства определялось близлежащим храмом, то в эти времена зачастую ориентировались по пивной. Если кто-то говорил: «Живу рядом с “Ямой”!», было

ясно, что человек обитает либо в Столешниковом переулке, либо на Пушкинской улице (Большой Дмитровке), либо на улице Горького (Тверской).

Московские пивные – это даже не уходящая, это уже ушедшая натура, целый социально-культурный пласт, который безвозвратно исчез из современной жизни. Его сейчас нет. Как и самих пивных, и даже зданий, где они располагались. Уцелели единицы, например «Жигули» на Новом Арбате. Да, наверное, больше и нет, правда.

В книге будет рассказано о наиболее известных пивных Москвы 1970–80–90-х, таких как «Яма», она же «Ладья», «Семь дорог», «Большой Головин», «Жигули», «Сайгон», он же «КПЗ», «Коробейники», или «Пни», или «Корпус «Г», и других. Странные названия были у них, конечно, неофициальные. И одна и та же пивная могла называться у разных завсегдатаев по-разному.

Например, пивная в Коробейниковом переулке у местных так и называлась – «Коробейники», «Корабли», а у студентов иняза, в котором учился и я, она называлась «Корпус «Г». Просто в самом МГПИЯ им. Мориса Тореза было официально три корпуса: «А» – главное здание, старинный особняк восемнадцатого века генерала-губернатора Москвы Еропкина, «Б» – новое институтское здание из силикатного кирпича во дворе основного, и «В» – здание девятнадцатого века, рядом, через Еропкинский переулок.

Ну а «Г» – пивная через дорогу, то бишь наискосок через Метростроевскую улицу (ныне Остоженку), где торчали и студенты, и преподаватели. Где, если повезет, можно было сдать зачет прямо за кружкой пива. А вот у студентов факультета журналистики МГУ, которые тоже часто сюда наезжали, это место называлось «Пни». К деревьям это слово отношения не имело. Просто сокращенно от «Пивная напротив иняза».

Кстати, это были не единственные «ПНИ» в Москве. Их было несколько. Только они расшифровывались как «Пивная напротив института»! И такая чехарда с названиями была повсеместно.

Да, и кстати, очень часто пивная была как бы привязана к определенному институту или университету. Например, как я говорил, в пивную в Коробейниковом переулке ходили студенты МГПИИЯ им. Мориса Тореза, пивную «Пиночет» на Волоколамском шоссе считали своей студенты МАИ, Пищевого института и Строгановского училища, заведение на Трифоновской улице – «ТрифонА» в просторечье – оккупировали ребята из МИИТа.

Есть упоминания о разных пивных в кинофильмах того времени, в художественной литературе, фольклоре, песнях и стихах. Об этом тоже будет рассказано.

А также о том, что пили в то время (пиво, вино, водка и т. д.), сколько это стоило, где продавалась, также о домах, где располагались пивные, об архитектуре вокруг, о знаменитых людях, посещавших эти заведения, о быте тех времен. О культурной и общественной среде вокруг пивных тех времен.

Еще надо добавить, что те пивные – это чисто мужское развлечение. Женщин там практически не было. Даже в приличных «Жигулях» или «Ракушке» на Юго-Западе женщин в зале были единицы. И обязательно со своим мужиком. Который будет сдерживать на дверях в сортире рвущихся туда мужиков, пока его дама делает свои дела. Женских туалетов в пивных не было в природе. Ни в дорогих, ни в дешевых, повторю.

А недавно был в пивном ресторане в районе Маяковки. Все хорошо, цивильно. Но поразился: в зале процентов восемьдесят пять, не меньше – это женщины! Причем без мужчин. Сами по себе. Хорошо одетые, ухоженные. Удивительно.

Да, и еще сейчас исчез гул. В пивных раньше был такой постоянный, не утихающий гул. Все говорили громко, особенно после второй-третьей кружки: анекдоты, истории, просто о жизни и любви, обсуждали политику, смеялись.

И курили. Много. Дым стоял клубами над головами людей. И это не преувеличение. Сейчас тишина, играет музыка, курят на улице. Короче не пивная, а консерватория с подачей напитков.

Кстати говоря, еще важнейший вопрос: «А что пили-то?!» Понятно, что пиво. Но какое?! Недавно встречался со знаменитым продюсером Анатолием Сивушовым («Бригада», «Крестоносец» и т. д.). В современном пивном баре. На Пятницкой. Бармен спросил: «А какое вам пиво?» – и ткнул в доску, на которой мелом было написано штук тридцать сортов. Я, несколько смутившись, потоптался и попросил отечественного. На что он ответил:

– Нашего тоже много. Сейчас в Подмосковье полно мелких пивоварен.

– Эх! Ну дайте хоть что-то!

Налили. Вроде вполне ничего. А как было в те годы, о которых я, собственно, и пишу? А был монополизм. Везде и всегда до конца семидесятых в московских пивных было только «Жигулевское». И ни шагу ни влево, ни вправо. Если среди бутылочного пива было хоть какое-то разнообразие – было и «Московское», и «Рижское», и «Двойное золотое», и «Останкинское», и «Мартовское» со «Славянским», и другие, то в розлив только «Жигулевское». Правда, разных заводов, и оно отличалось по вкусу.

«Жигулевское», вообще-то, имеет дореволюционную историю. В конце XIX века пивной завод поставил в Самаре на волжской воде австриец Альфред фон Вакано. В 1914 году завод национализировали. Потому что с немцами и австрийцами началась война. И тогда все имущество граждан с немецко-австрийскими паспортами обратили в доход государства. Кстати, по всей стране тогда прокатилась волна немецких погромов. Но потом революция, советская власть, и завод продолжал выпускать пиво под маркой «Венское».

А в 1934 году Анастас Микоян, являвшийся наркомом пищевой промышленности СССР, приехал в Самару, попробовал местное пиво. Анастасу Ивановичу оно пришлось по вкусу, но единственное, что его сильно смущало, – это название самого пива. Негоже рекламировать зарубежную столицу! Поэтому ВНИИ Пищевой промышленности разработал на базе «Венского» новый рецепт. И вот это-то пиво уже и стало называться по Жигулевским горам, расположенным на другой стороне Волги.

Вот обнаружил такие сведения о пиве и Владимире Ильиче Ленине. Пишут, что в 1892–1893 годах, работая помощником адвоката Андрея Хардина, Владимир Ульянов был не прочь выпить кружку «Венского» пива Жигулевского пивоваренного завода.

Знакомец Ленина Михаил Семенов вспоминал, что Ленина на Жигулевский завод водил его друг Алексей Скляренко (псевдоним Попов, еще один революционер-подпольщик):

«В Самаре он нередко затаскивал Владимира Ильича на Жигулевский завод, где в беседке над Волгой они распивали бутылку пива. Ильич шутливо звал его “доктором пивоведения”.

Соратник Ленина Исаак Лалаянц также оставил «пивные» воспоминания о самарском периоде жизни революционера:

«Нам удавалось отправиться куда-нибудь за город, например в Аннаевское кумысолечебное заведение, или прямо на берег Волги, к пароходным пристаням, где можно было в достаточно чистой и уютной комнатке какой-нибудь скромной пристанской пивной вести беседы на интересующие нас темы за кружкой жигулевского пива, чем мы отвлекали от себя внимание посторонних».

По словам Лалаянца, у товарища Ленина, Попова, была «удивительная способность» «быстро и наверняка находить чистенькую и спокойную пивную с великолепным жигулевским пивом, за что вскоре тогда же он получил от Владимира Ильича почетное звание «доктора пивопития».

В 1900 году Ленин эмигрировал в Европу. Он довольно долго (пять лет) жил в Швейцарии и Лондоне.

Какое-то время Владимир Ильич проводил в баварском Мюнхене, славящемся своими пивными. В городе Ленин любил знаменитое заведение «Хофбройхаус».

Ленин предпочитал лагер «Хофброй Оригинал», с легкой горчинкой. «Ильич похваливал мюнхенское пиво с видом знатока и любителя», – отмечала его жена Надежда Крупская.

«Мы хотели заехать в Мюнхен денька на два, – вспоминала супруга большевистского вождя, – посмотреть, каким он стал с того времени, как мы там жили в 1902 году, но так как мы очень торопились, то в Мюнхене пробыли лишь несколько часов <…> в ресторане “Хофброй”. На стенах, на пивных кружках везде стоят буквы “Н.В.” (Hofbräuhaus) – “Народная воля”, – смеялась я. В этой-то “Народной воле” и просидели мы весь вечер».

По воспоминаниям писателя Ильи Эренбурга, в Париже в канун Первой мировой Ленин по-прежнему пил пиво – хотя многие большевики предпочитали красный ликер гренадин.

«Гренадин. Все наши пьют гренадин…» – говорила Эренбургу одна парижская большевичка.

«Действительно, всем приносили ярко-красный приторный сироп, к которому добавляли сельтерскую воду. Только Ленин заказал кружку пива. (Потом я неоднократно слышал, как официанты удивлялись: революционеры, а пьют гренадин!.. Сироп французы прибавляют к чересчур горьким крепким напиткам; а в воскресенье, когда посетители приводят в кафе всю семью, малышей бесплатно угощают гренадином», – отмечал писатель.

В другой раз, вспоминал Эренбург, он увидел Ленина снова с пивом – «приземистый лысый человек за кружкой пива, с лукавыми глазками на красном лице, похожий на добродушного бюргера, держал речь».

И еще эпизод из жизни вождя мирового пролетариата в Париже, запечатленный революционером Пантелеймоном Лепешинским: «У Ландольта он потребовал себе одну кружку пива, затем, залпом осушив первую, взял себе другую, потом третью… Он сделался шумлив, болтлив и весел… Но так весел, как я не пожелал бы ему быть никогда. В первый (и единственный) раз в жизни я видел этого человека со стальною волею – прибегающим для успокоения своих расходившихся нервов к такому искусственному и ненадежному средству, как алкоголь…»

Но вернемся к «Жигулевскому». Пиво действительно было хорошее. Согласно ГОСТу, «Жигулевское пиво» должно было иметь светлый цвет и крепость не менее 2,8 процента. Также исходный экстракт должен был составлять не менее 11 процентов. Что еще немаловажно, в нем было прописано, какое сырье можно было использовать для приготовления данного напитка, и сколько должна составлять продолжительность ферментации.

«Жигулевское» пиво стало самым популярным в Советском Союзе. Более 700 пивных заводов производили эту марку. Почему так много? Просто «Жигулевское» пиво было «живым», то есть нефильтрованным и непастеризованным, и имело очень короткий срок годности – всего около недели. Именно поэтому производителям необходимо было иметь много точек производства, рядом с потребителями, чтобы свежее пиво могло быть быстро доставлено и потреблено до истечения срока годности.

Помню, что на бутылках жигулевского на пробках выдавливалось число. И мы знали, что самое свежее – это пиво в бутылке с завтрашним числом, только что с завода. А вот сегодняшнее, вчерашнее или позавчерашнее уже так себе, хотя пить можно.

Но в 1978 году в стране разработали новый сорт массового пива – «Ячменный колос». Его плотность была 11 %, содержание алкоголя – 3,2 % об. Этот сорт был одним из самых распространенных в СССР последних лет, почти заменив «Жигулевское». В советское время «Ячменный Колос» был чуть дороже. Если в пивных, где разливали вручную, кружка «Жигулевского» стоила 22 копейки, то новый «Ячменный колос» стоил уже 26 копеек. Цена поллитровой бутылки «Ячменного Колоса» составляла 34 коп. без стоимости посуды – на 9 коп. дороже «Жигулевского», но на 7 коп. дешевле премиального сорта пива – «Московского». По вкусу «Ячменный колос» немного горчил и был чуть-чуть крепче.

Московские пивные можно очень грубо разделить на две категории. Даже не так. Когда начинал писать, для четкости изложения хотел разделить все московские пивные так, как мы их определяли в молодости. Стоячая или сидячая. Тогда это было четко и понятно.

Сидячая, если есть деньги, стоячая, если их нет. Кстати, тогда можно было легко зайти в «свою» стоячую забегаловку и уйти домой «сытым и пьяным». Потому что все друг друга знали. Это был практически клуб, община, как говорил раньше. И налить пива или покрепче соседу считалось нормой.

Кстати, написал «уйти домой» и задумался. Хорошо, если домой. Зачастую очухивались в поезде на станции «Бологое», двигаясь в город Санкт-Ленинград, или в кабине грузовика, подъезжающего к Вильнюсу. А всего-то зашел куда-нибудь в Большой Головин переулок пивка глотнуть. Передвигались тогда по СССР легко и непринужденно. И с деньгами, и при полном отсутствии оных. А главное, без паспортов. Они не требовались при покупке билетов.

Отвлекся. Короче говоря, понял, что старое деление пивных на стоячие-сидячие сейчас не работает. И классифицировал их (о, какие мудрости! В «Яме» на меня посмотрели бы с жалостью, как на тихо помешанного, если бы услышали эти сентенции) так.

Заведения общегородского или даже общесоюзного значения, куда приезжали не только со всей Москвы, но и со всего огромного СССР. Это «Ладья»/«Яма», «Жигули», «Сайгон»/«КПЗ» и другие. И местные пивные, известные лишь жителям района вокруг: «Лесная», «Семь дорог» в Петровском парке, «Шайба»/«Кресты», «ТрифонА», «Зеленые ворота» на Покровке, «Фазан», «Королёва/Цандера» и другие.

Конечно же, я не смогу охватить все пивные Москвы того времени. Их было много, особенно на окраинах города. Но буду стараться рассказать о самых значимых. Короче говоря, начнем с упомянутой «Ямы». Официально – «Пивной бар “Ладья”». И вспомнилась чудесная песенка из фильма Леонида Иовича Гайдая «Не может быть!» (1975 г.) в исполнении блистательного Вячеслава Невинного. Музыка Александра Зацепина, слова Леонида Дербенева.

В жизни давно я понял,
Кроется гибель где.
В пиве никто не тонет,
Тонут всегда в воде.

Реки, моря, проливы —
Сколько от них вреда!
Губит людей не пиво,
Губит людей вода!

Скажем, в работе нашей,
Друг незабвенный мой,
Пиво всего однажды
Взял и развел водой.
И, улыбнувшись криво,
Крикнет он в день суда:
Губит людей не пиво,
Губит людей вода!

Если душевно ранен,
Если с тобой беда,
Ты ведь пойдешь не в баню,
Ты ведь придешь сюда.

Здесь ты вздохнешь счастливо,
Крякнешь и скажешь: Да!
Губит людей не пиво,
Губит людей вода!

Кстати. Да, опять кстати. Всяких пояснений, уточнений будет еще много. Первое. Фильм Леонид Гайдай снял по рассказам Михаила Зощенко. То есть там – двадцатые-тридцатые годы XX века. Но тема разбавленного пива была актуальной и в 1975 году. Тогда эту песенку напевала вся Москва. Сейчас трудно объяснить нынешней молодежи, зачем и как разбавляли пиво. Но мы то с вами понимаем.

Второе (не уточнение, а скорее дополнение). В интернете часто наталкивался на стенания о том, что в СССР с пивом, мол, было плохо, что это был страшный дефицит, и прочая глупость. В брежневское время, точнее, до Горбачева, пива было – хоть залейся. На каждом углу. Хоть бутылочное, хоть разливное.

Да, было меньше сортов, да, оно не всегда было свежее (тогда пиво почти все было непастеризованное), да, бывало, с ним мухлевали в пивных на розливе. О чем, собственно, и песенка. И еще была такая присказка у директоров пивных:

– Я честный человек. Я – не разбавляю. Я просто не доливаю!

Но пива было полно. Это во времена дурацкого Михал Сергеича Горбатого, когда он затеял свою т. н. «перестройку», вдруг все стало проблемой. Но я о другом. Пошли в «Яму», короче.

Пошли в «Яму»!

Пивной бар «Ладья»

Пушкинская, 13/8,

тел.: 229–70–23

Пивная «Ладья», или «Яма», как ее все называли, была, без преувеличения, самым популярным пивным заведением Москвы. Да и, пожалуй, СССР. Пушкинская улица, 13/8. Ныне это Большая Дмитровка.

Почему так произошло, что в целом рядовой пивной бар стал центром притяжения всего взрослого населения Москвы? Да и страны, как я уже написал. Ведь не было в столице практически ни одного мужчины старше 18 лет, кто хотя бы однажды не пришел в «Ладью». Ну или хотел, но не дошел.

Фото Владислава Быкова. Та самая знаменитая «Яма», она же «Ладья», находилась именно здесь. В полуподвальном помещении на пересеченье Пушкинской улицы (Большой Дмитровки) и Столешникова переулка. Оригинал снесен. Это новодел

В чем причина? Думаю, тут будет множество ответов. Во-первых, это самый что ни на есть исторический центр Москвы. Большая Дмитровка. В советское время – улица Эжена Потье (автора «Интернационала»), а после масштабного отмечания в 1937 году столетия трагической смерти Пушкина – Пушкинская улица. Вся московская жизнь в те годы так или иначе вертелась вокруг центра. В пределах Садового кольца.

Для любого приезжего в столицу волшебной музыкой звучали слова «ГУМ, ЦУМ, Детский мир»! То есть вперед по магазинам! Тогда, в советское время, ГУМ и ЦУМ были вполне человеческими магазинами. Где цены были обычными, доступными, но товаров было гораздо больше, чем в любом другом магазине Советского Союза.

Продолжением этого магического списка точек столицы, обязательных для посещения, были Красная площадь, Третьяковская галерея и… пивной бар «Ладья» для мужской части гостей столицы. Короче говоря, не был в «Яме» – Москвы не видел. И главное, все это рядом. В пешей доступности от других столичных достопримечательностей.

Опять вопрос: почему именно «Ладья»?! Повторю, исторический центр, все под боком. И нет пафоса, как в именитых столичных ресторанах типа «Националя» или близлежащего «Арагви».

Сюда можно зайти и в скромной одежде, и цены не космические, а приобщение к столичности присутствует. Опять же, всегда есть в продаже креветки, которые на просторах Среднерусской возвышенности были зверем редким. Именно приезжие и составляли большую часть всегдашней очереди в этот пивной бар.

А москвичи?! Были ли там? Конечно и безусловно! Это была любимая пивная многих поколений столичных жителей. Район пересечения Столешникова переулка с Большой Дмитровкой – древний. Идущая почти параллельно главной московской улице – Тверской – улица Большая Дмитровка связывала Москву с городом Дмитровом. Древнейшим поселением этой местности также было село Шубино. Название этого села восходит к жившему в середине XIV в. воеводе князя Владимира Андреевича Серпуховского Акинфу Федоровичу Шубе. В

1368 году он был послан со сторожевым полком против литовского князя Ольгерда, где и погиб. То есть самая-самая корневая московская древность вокруг.

Это окрестности «Ладьи». А непосредственно сама пивная находится на исторической слободе Скоморошки. Которую населяли кто? Правильно. Скоморохи. Слободской Храм Воскресения Христова в Скоморошках был как раз на месте нашего подвала. Древняя церковь сгорела в знаменитом пожаре Москвы в 1812 году. При нашествии Наполеона. Восстанавливать ее не стали. Поставили на этом месте доходный дом. Сначала двухэтажный, потом этаж надстроили. И балкон здания нависал над страждущей очередью в «Яму» много-много лет.

Я раньше как-то писал, что в Москве, единожды возникнув, не исчезает суть места. Скоморохи – это же шуты. Иногда безумные, иногда мудрые. Это и артисты, и циркачи, и спортсмены. Это и самые приближенные к власти, и живущие в нищете. Это и бродячие философы, и хулиганы. По сути, я сейчас перечислил не население Скоморшьей слободы XVI века, а посетителей московского пивного бара «Ладья» в 1960–70–80-е годы.

Из архива автора. Фото Михаила Васькова. Столешников переулок в 90-х. Сильно запущен. Но всё на месте. Этот двухэтажный домик помнит еще Пушкина. А в здании, на втором плане, когда-то жил автор. Он и на фото

Когда я сам, где-то после школы, году в 1979–1980-м, стал туда захаживать (хотя жил с детства в 50 метрах от нее), там одновременно в обед пили пиво «прокурорские» (Прокуратура РСФСР – пятьдесят метров) и тихие валютчики, продававшие доллары в туалете «Ямы».

Иногда врывались отчаянные металлисты в цепях и коже во главе с безумным Сергеем Троицким (Пауком), и тогда на всю «Ладью» гремел тяжелый металл. Вот что говорил об этом сам Паук:

«Зимой-весной 1985 года по субботам вся металлическая тусовка собиралась в пивном ресторане “Ладья”, что напротив памятника Юрию Долгорукому, в Столешниковом переулке. Обычно к шести часам все дико нажирались и, размахивая пивными кружками, начинали орать припевы групп AC/DC и Accept. “Урела”, праздные люди и алкаши старались не посещать пивняк в “эти дни”, поэтому “своих” собиралось по 100–200 человек, дико проклепанных, бритых или волосатых. Было много фанатов по типу “Дистракшн”, они приходили в куртках, заклепанных гвоздями и пулеметными лентами. В 22.00 вся орава вываливала из “Ладьи” и с музыкой и речевками шла “по центрам”.

Поясню одно слово из цитаты. «Урела», или «урла», – распространенное выражение в семидесятых – начале восьмидесятых. Означает что-то вроде «хулиганы», «недобрые люди с окраины», «не свои». Смотря по контексту, была широкая трактовка слова. Но и сами металлисты были по большей части с окраин столицы, и сами были хулиганами. Так что тут оно означает «не наши», не признающие рок и металл как стиль жизни.

Или гурьбой залетали болельщики ЦСКА. В шарфах, шапках, орущие кричалки и скандирующие что-то про свой клуб. Часто там можно было увидеть молодых Михаила Ефремова, Гарика Сукачева, Ивана Охлобыстина. Актеров, спортсменов, журналистов.

О «Яме» в журнале «Столица» писал известный московский журналист старшего поколения Александр Михайлович Мостовщиков. Он был таким журналистским зубром по тем временам. Работал в газете «Труд» (50 метров от «Ямы»), в «Московских новостях» (150 метров от «Ямы», если дворами). В журнале «Столица» он был контент-директором, а его сын Сергей Мостовщиков – главным редактором. Вот статья Мостовщикова-отца 1997 года:

«Плотник дядя Вася меж берез и сосен,
Как жену чужую, засосал ноль-восемь…

Эти полные любви к родной природе строфы я впервые услышал в “Яме” от корреспондента газеты “Лесная промышленность”, в которой употребление алкоголя было поставлено на научную основу.

Вообще, пивная на углу Столешникова и Пушкинской улицы (ныне Б. Дмитровка) для многих стала местом встречи с прекрасным. Партия и правительство решили на исходе семидесятых, что спаивать народ можно и нужно, и проблема опохмела встала с неотвратимой остротой. Падения в “Яму” избежать было нельзя.

В эти тягостные часы, когда в редакциях начинались секретариатские планерки, в “Яму” опускался “Труд”, вплывал “Водный транспорт”, доставлялись “Известия”, слышались децибелы “Гудка”.

Сюда же стекалось местное народонаселение с признаками тяжелого алкогольного отравления, командированные и любители утреннего пивного старта.

Чтобы попасть в длинный, разделенный на две половины зал, надо было проделать ряд манипуляций: отстоять небольшую в ту пору очередь, сдать верхнюю одежду в гардероб, попасть в заветное ограждение, ведущее к кассе, заплатить за выбранную закуску и разменять на двугривенные энное количество рублей.

Гарнир к пиву, скажу я вам, поначалу был хилый. О вобле, раках, соленых сухарях и речи быть не могло. Поэтому, получая тарелку с пахнущей рыбьим жиром ставридой, надо было краем одного заплывшего глаза искать свободное место, а краем другого – шарить по столам на предмет обнаружения пустых емкостей.

С одной кружкой вставать в хвост к автопоилке не имело смысла, ибо в этом случае плавный процесс поглощения напитка превращался в бег на короткие дистанции.

Прижав к груди порожние чаши, клиенты Ямы начинали с демонстрации гигиенических навыков. Некультурные мыли емкости в автомате, белая же кость устремлялась в уборную, находя ее по запаху.

Там и происходило отмывание стекла от слюны предшественника, передавшего эстафету. И – вот он, заветный сосок, пара двугривенных, светло-желтая струя и скользкий стол с тарелкой. Первая = залпом, вторая – быстро-быстро, третья – крупными глотками.

Личность того, кто первым произнес слово “Яма”, не установлена. Но пьяницы шестидесятых-семидесятых были склонны к образному мышлению. Большинство алкогольных заведений размещались тогда ниже уровня мостовой, и их называли то “Дети подземелья”, то “Три

ступеньки вниз". "Яма" же была самой удачной находкой, поскольку в своем названии отражала не столько географию, сколько внутренний мир посетителей и персонала.

В "Яме" все знали, что по другую сторону стены с вожделенными сосками стоят дозирующие аппараты, которые настраивают в пользу заведения работники пивной, одетые в синие халаты. Жидкое подвальное пиво обильно содержало в себе воду из-под крана и соду для имитации пенности напитка.

Но никому и в голову не приходило, что хозяин заведения, милейший Толя Крапивский, любит некоторых журналистов и поэтому иногда пускает их в небольшую комнату, куда приносят хорошее пиво и отборные креветки. Там неоднократно сиживал и я. И, замечу, это было не самое плохое время».

Я очень уважал Александра. Тоже работал в журнале «Столица» в 1987 году. Вел там колонку про пьянку. Удивительное время. Я приходил в бухгалтерию, писал заявление: мол, прошу выдать мне столько-то рублей на пьянку. Намереваюсь выпить то-то и то-то. Могу загулять и продолжить на утро пивом, прошу учесть и это. Плюс такси туда-сюда. Подписывали у главного редактора Сергея Мостовщикова.

И ведь выдавали! Потом я должен был описать свои ощущения от выпитого, про приключения во время пьянки, куда меня занесло, с кем шлялся, об ощущениях от пьянки в родном городе и т. п. Адская работа. Весьма вредная даже для молодого раздолбая.

Так вот с Мостовщиковым-папой и прекрасным писателем Александром Кабаковым я тогда в редакции «Столицы» выпил тонну всего. Включая пиво, конечно. Повторюсь, очень уважаю Мостовщикова и как профессионала, и как человека.

Одного не могу понять – где он в «Яме» нашел гардероб?! В жизни там никто не раздевался. Там просто места для гардероба не было!! Но, может, Мост-папа вспоминал легендарные времена, когда «Ладья» была сидячей?! А потом в голове все это совместилось?! При моем бытии пивная всегда была стояком. И без всякого намека на гардероб.

Как там было все при мне? А вот так.

Угол Столешникова и Пушкинской улицы. Очередь всегда, иногда небольшая, иногда приличная. Как писал Иосиф Бродский, не об этом заведении, хотя кто его знает:

«Пивная цельный день лежит в глухой осаде.

Там тот, кто впереди, похож на тех, кто сзади».

Про эту ли пивную, про другую – сие мне неведомо. Но на моем веку очередь была всегда. Хотя вру. Один раз был случай, когда поутру, часов в девять, мы с моим другом Игорем Оранским, ближайшим соратником по московскому раздолбайству (и, кстати, прекрасным спортивным журналистом «МК» и автором лучшего, как считают фанаты, первого перевода «Гарри Поттера»), доползли до «Ямы».

Предыдущим вечером мы зависли у нашего приятеля Ярослава на Петровке, сильно ослабли и утром поползли в «Яму»… А там, о чудо, не было ни одного человека! И мы, как в сказке, вошли первыми. Мало того, местные работники вынесли и поставили на прилавок новые кружки. В фабричной упаковке. Такие кружечные блоки в желтой бумаге, перевязанные бечевкой. И мы разрывали хрустящую бумагу и извлекали оттуда сверкающие девственные кружки. Они прямо светились и жаждали, даже требовали, чтобы их нутро заполнили развратным пенным пивом!

А пиво там было дорогое. Так считалось. 40 копеек полная кружка. Бросать две двадцатки в автоматы с сакральными надписями типа:

«Монеты с дефектом/гнутые, мокрые и т. д. в автоматы НЕ ОПУСКАТЬ!» Или «Приносить и распивать спиртные напитки КАТЕГОРИЧЕСКИ ЗАПРЕЩАЕТСЯ».

Насчет последнего дацзыбао. Как писал великий Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин: «Строгость российских законов смягчается необязательностью их исполнения».

В шаговой доступности, ну метрах в 50–60, находился знаменитый винный магазин в Столешниковом переулке – «Вино-Фрукты». Он работал еще с дореволюционного времени. «Винная торговля Леве». И ассортимент был превосходный, гораздо шире любого винного магазина в окрестностях, даже лучше, чем в «Елисеевском».

Соответственно, многие там закупались перед походом в «Яму» и вкушали вино и водочку под котлеты и пиво. Администрация иногда пыталась пресекать, конечно, но это было бессмысленно. Все понимали, что все равно все будет по-прежнему.

Справа от входа стояла касса. Где ты меняешь деньги на двадцатикопеечные монеты и пробиваешь обязательный чек на закуску. 50 копеек. Там же висело меню. Чем сегодня кормят. Чисто условная информация, там особо ничего не менялось годами, но по закону положенная. Народ часто ворчал от этой обязаловки. Многие считали безнравственным тратить деньги на какой-то закусон. Почти кружка пива пролетает. Но креветки там были вполне приличные.

После кассы – огороженное пространство, где ты можешь поставить тарелку с креветками на поднос. По ту сторону стойки стояла тетка и из огромного кипящего чана набирала порцию и ставила на прилавок. Или котлеты с гарниром. Обычно с зеленым горошком, или рисом, или с пюре. Котлеты, кстати, здоровенные. На полтарелки. И вполне съедобные, иногда брал. Вездесущая ставрида или скумбрия. Сушки с солью, по-моему. Но не уверен. Вот, пожалуй, и все, что осталось в памяти. Может, и еще что-то было…

Слева от входа обычно стояли местные и играли в шахматы. А так – огромный подвал, сводчатые потолки. Условно два зала, но, по сути, один. Разделенный сводом. Справа в дальнем углу ступеньки в сортир. Сильно запущенный, как и все туалеты во всех московских пивных того времени. Как я уже говорил, никакого женского отделения не было и в помине. И женщины были редкой птицей здесь.

На дальней стене прямо – плиточной мозаикой было выложено очень условное панно трех богатырей в ладье. Стоят ли они, сидят ли, понять было затруднительно ввиду полной условности изображения. Понятно лишь, что изображен кто-то в условных шлемах. Но не более.

Известный московский хиппарь Сантим так вспоминает об этом легендарном месте. Знал его. Очень яркие и колоритные воспоминания. Я потом прокомментирую их. Много слов непонятных для нынешних людей. Итак:

«Когда сумма в кармане превышала банальную пятерку, дорога была в “Ладью”… Подвал на углу Пушкинской и Столешникова… “Яма”… “Яма” была аристократичней… Не мажорные “Жигули” с вечными карикатуристами “Крокодила”, завалившими из Сандунов… Самая старая московская пивная. Центровая – без гопников и “командировашных”.

Очень удобно – пять минут хода от Кузнецкого моста, где на книжном “черном” рынке мы с Помидоровым ликвидировали излишки родительских библиотек. (Покупайте Сетон-Томпсона. Книга из жизни хиппи – “Жизнь животных”.)

В отличие от других заведений такого рода, залетных лохов в “Ладье” обыгрывали не в карты, а в шахматы… Десятка – партия. Заправлял шахматистами дядя Коля – потрепанный мужик лет пятидесяти. Ходили упорные слухи о его гомосексуальных наклонностях…

Дежурный администратор Сашка: “С открытием Павлов заходил… артист… Говорит: трубы горят… Я ему: так пивка попей… А он: Сашенька, мне ж это пиво – как слону дробина! Отпустил ему водочки из своего НЗ”.

И первое посещение вытрезвителя. С Майком Ардабьевым бродили по центру и “устраивались на работу”. У него было копеек пятьдесят, и у меня – примерно столько ж… На том же Кузнецком загнали за полтинник мою новенькую Библию. “Дальше – тишина”…

Из трезвяка нас выгнали уже часов в девять вечера. Дежурный ругался: “Лежали в песочнице и пели нецензурные песни”… – Врет, сказал Ардабьев и вытряхнул из своей сумки килограмма полтора песку.

Через полчасика, дойдя с Масловки до Бел. вокзала, “на повышенных тонах” пытаемся придумать, где похмелиться. “Турист” закрыт. На Пушке уже нет никого.

За этим наблюдает субтильная девочка – “ксивнчики-пасифички”, участливо: “Пипл, вы из Вильнюса?” “Не-ее-ет… Мы из вытрезвителя”.

Минут десять после открытия. Тихо, спокойно и похмельно… Вдруг в углу – шум, гам и взмахи конечностей. Выясняется – герой заварухи Мишка Красноштан: “Стою за столиком, похмеляюсь… Напротив – подходит негр… Мне – наплевать, пусть себе, я же не расист какой… А он достает шоколадку – и ее с пивом… Ну не мог же я не треснуть ему?”».

Комментарии к тексту для людей, живущих в двадцать первом веке, в 2025 году:

1. Хиппи в СССР были в восьмидесятые годы повсеместным явлением. Это слоняющаяся туда-сюда молодежь, иногда «идейная», типа за любовь и мир во всем мире. Иногда безыдейная – просто потусоваться и выпить. Причем это были не только девочки-мальчики 15–16 лет, но и вполне взрослые дяди. Большинство были очень начитанные и образованные. Но социально беззащитные. В государственную систему они встраиваться не хотели. По дурацким принципам, которых и не было, по сути. Пока эти дети разных возрастов пили пиво по пивным и безобразничали, сообразившие, куда летит страна, влезали в комсомол и партию, типа Ходоровского и Березовского, и успешно начинали распиливать страну. И далее, «ксивники» – это такие мешочки из джинсовки, кожи или просто материи, в которых хиппи носили паспорт и иные документы, чтобы не потерять. «Пасифики» – значок хиппи, этакая лапка в круге. «Пипл» – люди.

2. Миша-Красноштан – легендарный персонаж московской уличной жизни 1970–80–90-х годов. Его официально звали Михаил Козак. Откуда он появился, никто толком не знал. Вроде родился где-то в Узбекистане или Таджикистане. Но это неточно. Дома у него не было. Он спал в подъездах, на улице, у знакомых. В вытрезвителях, в отделениях милиции, в поездах. Имел свойство появляться неожиданно во всех городах тогдашнего СССР. Завсегдатай, без преувеличения, всех московских пивных, за исключением, пожалуй, «Жигулей». Был образован, начитан. Всегда пьян. Показывал свои стихи и прозу. Вполне прилично написано и то, и другое. Этакий советский юродивый. Я его неплохо знал. Еще напишу о нем в главе о пивной в Большом Головине. Московские пивные того времени без Миши-Красноштана и представить невозможно.

3. Павлов. Виктор Павлович Павлов, народный артист РСФСР. Великий русский актер театра и кино. Москвич. Сыграл прекрасные роли в культовых советских фильмах «Операция “Ы”» и другие приключения Шурика» (студент с рацией), «Майор Вихрь» (Коля), «На войне как на войне» (Гриша Щербак), «Адъютант его превосходительства» (Мирон Осадчий), «Место встречи изменить нельзя» (Сергей Левченко, член банды) и в десятках других. Кстати, тогда артисты, в том числе знаменитые, не стеснялись ходить в простые, народные пивные.

4. Продажа книг из родительских библиотек – повальный грех того времени. Которого я тоже, увы, не избежал. Искренне раскаиваюсь. Но что интересно, на книги был тогда спрос! И их охотно покупали и перекупщики около букинистических магазинов, на Кузнецком мосту например. И простые продавщицы в магазинах, и официанты в ресторанах, и барышни в парикмахерских, и даже кассирши в пивных! Все знали, что книга – это ценность! Без книги ты лох! Удивительные времена.

Вот такие персонажи бывали и в «Яме», и в других московских пивных. А я еще помню такой эпизод. Прорвало трубу в «Яме». Не канализацию, славу богу, а обычную. Это там периодически бывало. И полилась вода. Сам стою, пью пиво. Вода уже по щиколотку и прибывает. Наши люди – кремни. Думаете, хоть кто-то ушел из зала? Не-а. Стоят насмерть. И пиво тащат, раздвигая ногами бушующие волны, и в туалет бегают сквозь приливы и отливы. Так и стояли

почти по колено в воде. Потом перекрыли, вода постепенно ушла. Хорошо хоть лето было. Освежились немного. Кстати, насчет воды в «Яме».

В конце тридцатых годов XX века, по рассказам моей бабушки Марии Васильевны Казаковой, в этом подвале была прачечная, в которой работали китайцы. Тогда в центре Москвы еще с дореволюционных времен было много китайских прачечных. И, как говорила бабушка, на ступеньках будущей «Ямы» часто можно было видеть отдыхающих от тяжелой работы китайцев. Так что наверняка канализация с водопроводом и сохранялись со времен этих китайцев.

Китайцев я там не видел, конечно. Моя Москва – это город 1970–80–90-х. Тогда китайцы были редкостью.

Скажу еще о странных, почти мистических совпадениях. В Питере был знаменитый пивной бар неподалеку от Казанского собора под кодовым названием «Очки». Рядом был магазин «Оптика». А в Москве в том же здании, где была пивная «Ладья», до революции тоже была «Оптика». Как-то по-другому называлась, но суть та же. Мало того, в этой тогдашней «Оптике», вот здесь, над «Ямой», сам Антон Павлович Чехов заказывал себе пенсне.

То есть две знаменитые пивные в двух столицах. И там, и там – рядом «Оптика». То есть очки и пиво как-то связаны! Бред, конечно. Но забавно.

Возвращаясь к статье Мостовщикова-папы. Он пишет, что не знает, кто первый произнес слово «Яма», говоря об этой пивной. Я тут накопал вот что. В начале XX века уже была одна пивная, точнее трактир, «Яма». В полуподвале (как и наша «Яма») на пересечении Рождественки и Пушечной улицы. Рождественка, 5/7, строение 2. Неподалеку, кстати. И вот что пишут о той «Яме».

Д. П. Маковицкий в 1910 году записал в дневнике слова Л. Н. Толстого, что «Яму» в Москве знали как «подвал-кофейню, где [посетители] собираются, [чтобы] разговаривать о вере».

В этих собраниях по воскресеньям принимали участие московские и проезжие старообрядцы и сектанты самых разнообразных толков: «бессмертники… баптисты и евангелисты разных оттенков, левого толка раскольники, духоборы, скрытые хлысты, толстовцы» и не входившие в общины одиночки – народные теософы.

В «Яму», чтобы послушать споры народных искателей Бога и Божьей правды с православными, «спускались» известные российские интеллектуалы – религиозные мыслители Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, В. С. Соловьев, литераторы П. Д. Боборыкин, Е. К. Герцык, Е. Н. Чириков.

Интересовался происходившим там и Л. Н. Толстой.

Н. А. Бердяев, написавший в книге «Духовный кризис интеллигенции», что «в низах народной жизни, в русском сектантстве… было то же богоискание и богопокорство, что и в верхах народного организма, у богоискателей, мыслителей, художников и пророков», отметил после посещения «Ямы» отличавшие ее ораторов «напряженность духовного искания, захваченность одной какой-нибудь идеей, искание правды жизни, а иногда и глубокомысленный гнозис».

Популярные собрания в «Яме» привлекли внимание не исчезнувших еще к тому времени в России книгонош, которые не только распространяли там сектантские духовные издания, но и вступали в религиозные беседы.

По словам Н. А. Бердяева, выступавшие в «Яме» в качестве оппонентов православные миссионеры, обязанные обличать «блудодейственные» собрания сектантов, оказались бессильными. В итоге проводившиеся около двадцати лет народные религиозные собрания были запрещены полицией, усмотревшей в них зачатки недопустимой критики официальной церковности. После нескольких попыток собираться в других московских трактирах «Яма» прекратила существование.

Умно? Весьма и весьма. А какая связь между той «Ямой» Серебряного века на Рождественке и нашей пивной? А вот какая. Нашел вот что в Интернете:

«У знаменитого советско-американского историка социологии Бориса Докторова в его воспоминаниях о гуру советской социологии Борисе Грушине прочитал, что учение методологов зарождалось в пивных (сам Б. Г., вместе с Щедровицким, стоял у истоков кружка методологов):

«В студенческие годы диастанкуры (группа студентов философского факультета МГУ, известная сегодня как «Московский методологический кружок») постоянно посещали пивные, где вели непрекращающиеся споры о философии.

Вот яркое наблюдение Щедровицкого: «Мы часто фланировали по улице Горького и по прилегающим к Пушкинской площади бульварам. Это всегда была компания в пять, шесть или восемь человек, которая могла, скажем, собраться в два часа дня и до вечера двигаться по московским улицам, где-то оседать: либо в пивном баре номер один на улице Горького, либо в пивном баре в Столешниковом переулке, или доходить до “Кировской”, или идти еще куда-то. И вот именно здесь, в этом постоянном движении, оттачивались оппозиции, мысли».

Теперь – фрагмент из воспоминаний Щедровицкого об истории московского методологического кружка: «…БА (Грушин – Т.) был великий мастер пить пиво с крабами. И всех нас научил, поэтому мы собирались рано утром, выбирали пивной бар и отправлялись туда. Сидели. Пили пиво и обсуждали проблемы философии и логики».

Вот как интересно. Правда, что такое «пивной бар номер один на улице Горького», я не отыскал. При мне ничего подобного не было. Возможно, это заведение при ресторане «Националь», где подавали и пиво тоже. Может, и где в другом месте.

А среди основателей Московского Методологического кружка был и знаменитый философ, социолог – Александр Александрович Зиновьев. Сто процентов, что эти уважаемые и образованнейшие люди знали о той московской «Яме», где собирались самые известные русские философы и писатели.

И они, заходя в подвал «Ладьи» выпить пивка и поговорить о мироздании, могли прозвать это заведение так же, как и тот трактир начала века. Да и «блудодействия», упомянутого Бердяевым, и в этой Яме» хватало! Хотя наверняка я перемудрил. Может, все проще. «Яма» – потому что в яме! И все. Хотя могло быть и так, как пишу. Хотя красиво. Вижу заголовок статьи в научном журнале: «Русская философская мысль XX века. От “Ямы” к “Яме”».

Еще чуть добавлю о туманных для меня временах сидячей «Ямы». Нашел заметку некоего Игоря Дудинского в ЖЖ. Она интересна, и хотя год здесь не указан, но ясно, что это шестидесятые.

Игорь Дудинский:

«…Чтобы не заканчивать рассказ на грустной ноте, упомяну наш легендарный салон в “Яме”, который просуществовал несколько лет – до закрытия пивной на капитальный ремонт. Я работал главным художником столичного “Ювелирторга”. Наша контора находилась в Столешниковом переулке. В мою задачу входило оформлять интерьеры всех ювелирных магазинов Москвы. Я сидел в конторе, скучал и с нетерпением следил за реконструкцией подвала на углу Столешникова и Пушкинской улицы (сейчас Большая Дмитровка). В помещении должен был открыться пивной бар. Предвкушал, как буду целыми днями сидеть с друзьями и пить пиво. Наконец, настал день, когда меня удостоили чести перерезать ленточку. В Москве началась эпоха “Ямы”. Пивную мгновенно оккупировали мои единомышленники – элита андеграундной богемы. Художники, поэты, бродячие философы, полубездомные мистики, воры в законе. Короче, весь спектр асоциальных типов, с неприязнью относившихся к советской системе. Мы большой и шумной компанией просиживали в своем подвале с открытия до закрытия. Страна переживала апогей брежневского застоя, поэтому о политике предпочитали не говорить. Основными темами бурных дискуссий стали метафизика, искусство, любовь. Сколько

народа прошло через наш дискуссионный клуб – одному богу известно. Сотни как минимум. В итоге на основе наших посиделок сформировалось целое направление в искусстве – московский магический романтизм, что дало искусствоведам повод говорить о “субкультуре “Ямы””. Конечно, компетентные органы не могло не раздражать существование меньше чем в километре от Кремля рассадника чуждых веяний, и пивную решили переоборудовать. Нас закрыли на несколько лет. После чего “Яма” стала “Ладьей” и из “сидячего” бара с официантами превратилась в “стоячую” помойку с пивными автоматами и отвратительным туалетным запахом. Мы уже туда не ходили».

Теперь самое время рассказать о легендарной сцене из «Берегись автомобиля» (1966 года) с Максимом Подберезовиковым (Олег Ефремов) и Юрием Деточкиным (Иннокентий Смоктуновский) в пивной. Многие до сих пор считают, что этот эпизод был снят именно в «Ладье». Но это не так. Сцену внутри, где они пьют пиво, а толстомордый директор (Сергей Кулагин), испугавшись, приказывает официантке (Наталья Дородная) подать им «нашего фирменного». И она добавляет водку в кружки пива нашим героям.

Так вот, снималось это все в павильоне «Мосфильма». И даже изумительная сцена, где они поднимаются из полуподвала и поют песню «Если я заболею, к врачам обращаться не стану…» тоже снималась не у входа в «Яму». Если внимательно посмотреть кадры, то справа на лестнице хорошо видны два окна, которых на лесенке в «Ладье» не было.

И потом, когда выходят, сворачивают налево, разговаривают: «А я тебя вообще сажать не буду!» – то видна дверь, подъезд, которого в родном здании на углу Пушкинской улицы тоже не было. Говорят, что этот эпизод вообще снимали в Одессе, видел видео с разбором ситуации.

Трудно сказать, все может быть. В СССР киношники ради одного эпизода могли запросто махнуть хоть в Одессу, хоть на Северный полюс. Что при нынешней системе кинопроизводства кажется фантастикой.

Но все-таки, справедливости ради, надо сказать, что вариант с Одессой тоже маловероятен. Как говорит мой друг, легендарный продюсер Анатолий Сивушов, из-за пары кадров ну не полетели бы они в Одессу тогда. В Москве можно было запросто подобрать массу мест, похожих на «Яму». Скорее всего, так и было. Но в любом случае понятно, что авторы по сюжету подразумевали именно пивной бар «Ладья».

Процитирую стихи Ярослава Смелякова, прекрасного поэта, я его очень люблю. Очень непростая жизнь у него была. И воевал, и сидел в плену у финнов, и в нашем лагере. Реабилитирован. Стал Лауреатом Государственной премии.

А песня, которую обнявшись поют герои Олега Ефремова и Иннокентия Смоктуновского, срослась с московской пивной «Яма» и настроением конца шестидесятых годов. Хотя стихи и написаны в 1940-м.

Если я заболею,
К врачам обращаться не стану,
Обращаюсь к друзьям
(не сочтите, что это в бреду):
Постелите мне степь,
Занавесьте мне окна туманом,
В изголовье поставьте
Ночную звезду.

Я ходил напролом.
Я не слыл недотрогой.
Если ранят меня в справедливых боях,
Забинтуйте мне голову

Горной дорогой
И укройте меня
Одеялом
В осенних цветах.

Порошков или капель – не надо.
Пусть в стакане сияют лучи.
Жаркий ветер пустынь, серебро водопада —
Вот чем стоит лечить.
От морей и от гор
Так и веет веками,
Как посмотришь, почувствуешь:
Вечно живем.

Не облатками белыми
Путь мой усеян, а облаками.
Не больничным от вас ухожу коридором,
А Млечным Путем.

Опять дам слово московскому хиппи Сантиму:

«…О закрытии “Ладьи” все узнали где-то за месяц. Провожали “Ладью” в последний путь аж два дня. Сперва все было спокойно – легкая печаль и “бразильский карнавал”. Но в последний день было уже не до релакса. На прощальное мероприятие мы собрались в составе – армеец Андрюха Челси, небезызвестный Малышок, очередной директор Резервации байкер Вовка Профессор, я и Димка Даун. Куда уж без него…

Помянув старушку, всей компанией вывалили на улицу продышаться… узкий тротуар… Профессор стрельнул у случайно проходящих мимо хиппарей гитару… спели “Бунтаря” и “Мента”.

Вторая песня не понравилась пятерым мужикам, вывалившим из пивной. Позже выяснилось – бухие опера из сто восьмого отделения. (Легендарное 108-е отделение милиции, в которое залетали практически все, кто жил или тусовался в центре, находилось во дворе сзади кафе “Лира”, ну или за “МакДональдс” на Пушкинской площади. – В.К.)

Первого вальнул Челси, а последний метнулся в “Яму” с криком “ямовских бьют”! Тут нас и должны были похоронить, но как-то внезапно и случайно в разборку стали втягиваться случайные прохожие: пушкинский панк Колька Жук… Какие-то байкеры… Фанаты… Секунд через сорок движение на Пушкинской улице было перекрыто – махалось человек 40 с двух сторон. Мужики против “неформалов”. Жалко, из-за этого не удалось осуществить задуманное – прихватить на память кружку…».

В 1994 году пивной бар «Ладья» закрыли. В подвале начал функционировать бессмысленный «Испанский погребок». А дальше сакральное место провалилось в тартарары. В прямом смысле этого слова.

Очень московский писатель Владимир Орлов (все его помнят по роману «Альтист Данилов») так писал в своем другом романе «Камергерский переулок» (2008 год) о крахе «Ямы»:

«Познакомился я с Прокопьевым при обыденных мужских обстоятельствах в дружелюбно-приемной “Яме” на углу Столешникова и Дмитровки (тогда – Пушкинской), то бишь в пивном заведении “Ладья”. Дельцу Крапивенскому, сдавшему в аренду испанским негоциантам последний оплот дружеских общений, доступный карману простого москвича, были адресованы народные проклятья и пророчества. Говорилось, в частности: “Дело его провалится!” И пророчество свершилось. Знаменитый московский провал на Дмитровке случился именно

у стен “Ямы”! Теперь там нет ни каталонских супов из бычьих хвостов и ушей, ни очаковского пива. Дома напротив, рухнувшие в памятную ночь, выстроены заново, а здание “Ямы” стоит в трещинах, и конца его ремонтам не предвидится. Жизнекипящий же прежде Столешников переулок стал мертвым…

…Сам Крапивенский, будто бы по народному проклятью, отдал концы в офисе над бывшей “Ямой”».

Кстати, возможно, Крапивенский – это реальное лицо. Александр Мостовщиков упоминает Крапивского как директора «Ямы». Но это уже не важно. Важно, что исчезла не только сама легендарная пивная, но и само здание с многовековой историей. Вот как писала газета «Коммерсантъ» 15.05.1998 г.:

«Вечером Дмитровка пустеет – жилых домов здесь немного. Поэтому едва ли не единственными свидетелями катастрофы стали двое приятелей, отмечавшие в тот день покупку автомобиля “Тойота” в ресторане “Испанский уголок” (раньше в этом подвале была популярная среди москвичей пивная, называвшаяся в народе “Яма”).

Около 11 вечера они вышли из ресторана и сели в машину, стоявшую около 2-го строения дома № 18 (это выселенное здание, подлежавшее сносу). Не успели они тронуться с места, как проезжая часть вместе с их машиной стала опускаться, а над возникшим провалом нависла стена накренившегося дома. Они успели выскочить из ямы и с ужасом наблюдали, как новый автомобиль уходит под землю, а двухэтажный дом сползает в образовавшийся котлован размером 20х20 м.

Фото Владислава Быкова. Вот здесь была та самая лесенка вниз, в подвал. Здесь всегда стояла очередь. Сейчас все иное

Причина катастрофы уже установлена. На глубине около 25 метров под Большой Дмитровкой фирма “Мосинжстрой” укладывала коммуникационный коллектор. Для рытья тоннеля использовался специальный комбайн с роторным механизмом (таким способом строят метро).

В итоге комбайн прошел сквозь так называемую “линзу” – подземную полость, заполненную водой. В “линзу” через ливневой коллектор проникли потоки дождевой воды, вода подмыла грунт, и дорожное покрытие рухнуло в промоину».

Увы, прощай, «Яма»… Сейчас на этом месте новодел лужковских времен.

А соберемся, пожалуй, в «Жигули»!

Пивной бар «Жигули»

Проспект Калинина, 19,

тел.: 291–41–45

– Здесь строится Новый Арбат, Нью Арбат, понимаете? – объяснял юный герой Никиты Сергеевича Михалкова любознательному японцу в такси в чудесном фильме 1963 года «Я шагаю по Москве».

Если проанализировать сумасшедшую популярность пивного бара «Жигули» у советского народа, то это во многом благодаря расположению на Калининском проспекте. Или Новом Арбате. Я умышленно пишу «советский народ», потому что процентов 80 посетителей «Жигулей» были немосквичами.

Сюда шел солидняк с деньгами со всей необъятной Родины. Объясню. Центр Москвы. В модном во всем мире стиле архитектуры. Тогда мир сходил с ума от новой архитектуры.

Великий Оскар Нимейр, бразильский архитектор, возвел город из стекла и бетона среди джунглей. Создав с нуля новую столицу Бразилии – Бразилиа. Мир был потрясен. Кстати, Нимейр – прекрасен. Прожил 104 года. И получал из рук Н. С. Хрущева в 1963 году Международную Ленинскую премию «За укрепление мира между народами». А в 2007 году – Орден Дружбы от Путина. Уму непостижимо! Один и тот же человек, а эпохи не то что разные, пропасть между ними.

У нас, конечно, не джунгли. Но проект трассы от Кремля к Минскому шоссе задумывался давно. Но приступили к строительству, несомненно, не без влияния Нимейра и вообще общемировых тенденций, только в начале 1960-х.

Застройка магистрали была поручена архитектору Михаилу Посохину, в работе участвовали Ашот Мндоянц, Глеб Макаревич, Борис Тхор и Шаген Айрапетов. В планировке проспекта и высотных жилых домов также были задействованы архитекторы Игорь Покровский, Юрий Попов, Александр Зайцев, В. Васильев, М. Каплан и инженеры строительного управления «Моспроект-2» – С. Школьников, В. Сно, Василий Николаев, Лев Гохман и А. Ниснеев.

Вот они задумали и осуществили грандиозный проект. Практически – город будущего, только посредине древней столицы. Новые сияющие высотные здание. Модный изгиб бетона небоскребов. Как сказали бы сейчас – Калининский проспект был «в тренде» в шестидесятые годы. Моднейшим местом.

Кстати, на Калининском плитку уложили еще при Н. С. Хрущеве. Так что не Собянин первый. На улице всегда играла музыка, что было странно и непривычно для москвичей того времени. Огромное панно со сменяющимися цветными картинками, рекламой и новостями.

Плюс еще интересный факт о проспекте Калинина тех лет. Там проложен громадный тоннель. Сзади линии зданий на нечетной стороне (где «Жигули»). Длинной километр. Шириной девять метров. По высоте – был рассчитан на проезд огромных фур и даже троллейбусов-грузовиков. Были и такие в советское время, я видел.

Это было сделано для доставки товаров в магазины и учреждения. С главного входа это было сделать невозможно из-за широкого тротуара для прогулок москвичей.

Я пишу так подробно, потому что место, само расположение и невиданная тогда архитектура – важнейшая составляющая грандиозной популярности пивного бара «Жигули» в СССР.

Обстановка вокруг – центровая, конечно. Но подобную архитектуру можно встретить и в Саратове, и в Питере, да где угодно. А здесь все иначе. Такой комплекс зданий был уникален. Зримое будущее. Как его видело и руководство страны, и многие советские люди.

Фото Владислава Быкова. Калининский проспект (Новый Арбат). На углу слева затаились «Жигули»

Мой друг Михаил Васьков рассказывал, что сюда в детстве его водили дедушка с бабушкой. Прошедшие войну, голод, тяжелейшие испытания. И показывали Калининский внуку со словами: «Мы не доживем, конечно, но вы увидите коммунизм к столетию революции в 2017 году. Тогда вся Москва будет такая же прекрасная!» Проспект Калинина был торжественно открыт к 50-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Фото Владислава Быкова. Да, именно здесь с 1968 года (с перерывами) работает знаменитый ресторан «Жигули»

Справедливости ради скажу, что совсем не все москвичи любили Калининский. Часть плакала по утраченным особнячкам Собачьей площадки и прежним дворикам-переулочкам. Тоже понимаю. И даже очень понимаю. Увы и ах! Все проходит.

Рядом в высотных башнях располагались министерства и ведомства, в том числе ключевые стратегические – МИНТЯЖМАШ СССР и МИНЭЛЕКТОТЕХПРОМ СССР.

Там же – огромный «Новоарбатский гастроном», здоровенные и модные кафе – «Печора», «Ангара», «Метелица», «Валдай», ресторан «Арбат»…

Как раз под «Валдаем» по адресу проспект Калинина, 19, и располагался пивной бар «Жигули», открытый в январе 1968 года. Так что в «Жигули», повторю, шел солидняк. С деньгами. Хотя и с разным социальным положением.

Директора предприятий, приехавшие за новыми заказами в министерства, военные, получившие новое назначение и выплаты (рядом, на Гоголевском бульваре, Главное управление кадров Минобороны). Разного рода спекулянты и жулики. Фарцовщики, «фарца», как их тогда называли. Кстати, напротив – магазин грампластинок «Мелодия», где всегда стояли разные личности и продавали западные диски. Ученые, молодые физики и лирики. Работяги с Северов и шахтеры.

Помню, однажды посадили за столик к горнякам Донбасса. Еле ушел потом, ничего не соображая! Это были здоровенные, очень добрые люди с огромными руками. Пили, как слоны

на водопое. Деньги у них были пачками завернуты в газету. Они стеснительно разворачивали свою «Донецкую Правду» и выдавали купюры ополоумевшим официантам.

В «Жигулях» постоянно торчала и системная творческая интеллигенция – поэты-песенники, писатели, архитекторы, художники, журналисты. Тогда творческий люд получал весьма и весьма прилично.

Психолог Мария Леонова рассказала мне такую интересную историю. Я об этом не знал. Ей слово:

«У моего отчима был золотой знак “Жигулей”. Крепится на лацкан пиджака, показывается при входе, пускают без очереди. В восьмидесятые ходила с ним несколько раз, но не пива попить, в силу возраста, а поесть раков. Они были там чудесные. Креветки тоже были, порции большие. Мужчины часто использовали бар как место для переговоров или просто дружеских встреч. Актеров и журналистов очень много было, в том числе с такими же золотыми знаками Завсегдатая».

А вот как пишет о «Жигулях» известный московский старожил Владислав Пучков:

«Достопримечательностью центра Москвы многие годы считался пивной бар “Жигули”. Он размещался в цокольном этаже первого здания слева по тогдашнему Калининскому проспекту, открытому к юбилею Революции в 1967-м. А в январе 1968-го открылся и новый центральный пивной бар “Жигули”.

Поток людей шел из центра, и внимание самых голодных и жаждущих из них сразу было обращено к вывескам на крайнем слева здании, где на первых двух этажах располагались кафе “Валдай” (с винным баром) и пивбар “Жигули”. Помещение с низким потолком, табачный дым стелется слоями.

Поначалу пиво в баре подавали в полулитровых дымчатых стаканах, которые, правда, очень скоро заменили обычными кружками. Стакан стоил 45 копеек. На закуску можно было взять воздушную подсоленную картошку по 10 коп. Нигде больше ее тогда не подавали. Для московских пивоманов дороговато!

Мы, москвичи, не особо жаловали этот пивбар. У всех были свои любимые места поближе к дому – “Яма”, “Сайгон”, “Бангладеш”, “Железные ворота”… Перечисляю, как стихи читаю!

Подавляющее большинство посетителей составляли люди приезжие. Многие рассчитывали попасть в какое-нибудь необыкновенное по своему сервису, качеству пива или еды заведение. Этим объяснялся постоянный наплыв желающих попасть в бар.

На самом деле, ничего сногсшибательного “Жигули” не предлагали. Пиво ничем не отличалось от обычного напитка, подаваемого в аналогичных местах: здесь приносили традиционное “Жигулевское”, а с начала восьмидесятых годов – “Ячменный колос”. Пивная закрылась в 1990-е…».

Кстати, знаменитая в советское время песня «Наша служба и опасна, и трудна» из сериала «Следствие ведут ЗНАТОКИ» про работников Московского уголовного розыска композитор Марк Минков и поэт и певец Анатолий Горохов сочинили именно за кружкой пива в «Жигулях». Первая серия вышла в 1971 году. И тогда эти слова напевало практически все 250-миллионное население СССР. И до сих пор является неофициальным гимном МУРа.

Наша служба и опасна, и трудна,
И на первый взгляд, как будто не видна.
Если кто-то кое-где у нас порой
Честно жить не хочет.
Значит, с ними нам вести незримый бой,
Так назначено судьбой для нас с тобой —
Служба дни и ночи.

Если где-то человек попал в беду,
Мы поможем – мы все время на посту.
Ну а если вдруг кому-нибудь из нас
Тоже станет туго —
Что ж, друг друга выручали мы не раз,
И не раз согрело нас в тяжелый час
Сердце, сердце друга.
Часто слышим мы упреки от родных,
Что работаем почти без выходных,
Что разлуки нескончаемы порой,
Встречи ненадолго.
Только снова поднимает нас с зарей
И уводит за собой в незримый бой
Наше чувство долга.
Наша служба и опасна, и трудна,
И на первый взгляд, как будто не видна.
Если кто-то кое-где у нас порой
Честно жить не хочет,
Значит, с ними нам вести незримый бой,
Так назначено судьбой для нас с тобой —
Служба дни и ночи.

То есть теперь становится понятно, почему народ толпился у «Жигулей» постоянно. Утром, днем, вечером…

Итак, очередь вдоль огромного окна была всегда. Но если подобраться ближе к дверям, которые были уже не на Калининском, а за углом по переулку, и приложить к стеклу бумажку – зеленую, в три рубля, или любую другую по финансам, – дверь распахивалась, и важный швейцар Семёныч (Петрович, Михалыч) кивал тебе головой, важно объявлял для остальных:

– Он только что выходил!

И пропускал тебя вовнутрь. Да, кстати, сейчас внутренности «Жигулей» изменились. Раньше там был огромный вестибюль и гардероб справа. Сейчас это место занимает еще один простенький пивной зал. Для народа. А сам ресторан дальше.

Кстати, в связи с очередью в «Жигули» мне недавно рассказал историю мой друг Игорь Мусатов. В середине восьмидесятых – шустрый пацан из Ельца, ныне москвич. Однажды, приехав очередной раз в столицу, он с другом пошел, естественно, на Арбат, затем на Калининский. И увидели «Жигули» и очередь. Конечно, встали. Стояли долго. Вдруг через стекло им кто-то стучит.

Игорь говорит:

– Я сначала не понял. Стучал здоровенный мужик в рубашке с бабочкой. Я еще показал ему на себя, мол, не ошибаетесь, мне стучите?! Он кивнул и махнул рукой в сторону двери. Мы с другом подошли, тот мужик открыл дверь, и мы прошли вовнутрь. Я протянул ему денег, то ли рубль, то ли три, официант только махнул рукой.

Дальше здоровенный мужик – официант в манишке с бабочкой – усадил ребят за столик, притащил пива, креветок, которые в Ельце были редкостью. Он все время болтал, что-то рассказывал. Познакомились. Было видно, что Виталик, так звали официанта, сильно поддат. Но профессионально держится. Короче, наши друзья изрядно уже поддали точно.

Уже вечер, Виталик еле стоит на ногах. Приглашает друзей в подсобку. А там-то уже водка полилась рекой. Игорь мне рассказывал, что запомнил одну фразу Виталика:

– Спокойно, мужики, я сегодня уже три килограмма принял!

То есть водку он уже мерил не литрами, а килограммами! Закончилось тем, что друзья поволокли Виталика домой. После смены. На себе. И на такси. И еще добавили водочки у него в квартире! Где-то в Кузьминках. В ответ на робкие попытки заплатить за пиво и креветки Виталик только хохотал и выворачивал карманы, набитые купюрами.

Так елецкие ребятишки и уехали от Виталика домой, ошарашенные и от московского гостеприимства, и от креветок с пивом в престижных «Жигулях». Что это было, почему официант проявил невиданную щедрость и так полюбил провинциальных пацанов?! Сие есть тайна, покрытая мраком…

Как вообще выглядели прежние «Жигули»? Как я уже говорил, стеклянная дверь, с предбанником, налево вход в туалет. Направо – огромный вестибюль, в конце которого гардероб. Да, правая часть холла – то самое огромное окно, сквозь которое страждущие тоскливо ждали своей очереди в бар. Раздеваешься, сдаешь одежду, и тебя подхватывает официант. Или дежурный мэтр, администратор, и ведет в зал. Все чинно, благородно.

Но тогда был один зал. Сейчас два. Там, где был холл, вестибюль и гардероб – самообслуживание. Типа сам взял закуски, пиво и сиди. В то время этого не было и в помине – сразу после входа ты окунался в атмосферу пивного мужского клуба. Стоял такой ровный гул. Сейчас, кстати, в пивных барах тихо. Ну, музычка играет, и все. Тогда – гул. Нужно было громко говорить, чтобы услышать соседа. И клубы дыма под потолок. Тогда же курили в барах. И много.

И еще одно существенное отличие тех пивных баров от нынешних. В те годы женщины не ходили в пивные бары. Редко, редко одна-две сидели в зале, в компании своих мужчин. Женского туалета не было в принципе.

В туалет можно было ходить через дорогу, точнее, через крошечный Арбатский переулок. Метров тридцать всего. Кстати, он до конца пятидесятых назывался Годеиновским. В честь семейства Годейнов, у которых здесь была усадьба. Еще с XVIII века. Все Годейны были офицерами и генералами. Честно воевали.

Один из них – Петр Павлович – был однокашником М. Ю. Лермонтова и первым признал юного гвардейца за большого поэта. И нередко, по отзывам современников, дежурил вместо Лермонтова, дабы не отвлекать молодого гения от творчества.

Но вернемся к сортирам и дамам. Сейчас девяносто процентов посетителей пивных баров – дамы. Всех возрастов. От и до. Странно это. Шагнув в политику, в бизнес, в госструктуры, женщины приземлились и в барах.

Официанты в прежних «Жигулях» ходили во фраках, с бабочками. Конечно, фраки были уже занюханные, лоснящиеся от жира, манишки замызганные, но все равно, замах на класс был.

Что там пили? Вполне приличное пиво. 1 рубль 50 копеек – полуторалитровый графин. Почти в два раза дороже, чем в обычной пивнухе.

Откопал интереснейший Государственный стандарт на пиво за 1969 год. Просто чудесно написано, читаешь про внешний вид и вкус, слюни текут.

Показатели	Характеристика
Внешний вид	Прозрачная жидкость без осадка и посторонних включений
Пена	Пиво, налитое с высоты 25 мм в цилиндрический чистый стеклянный сосуд высотой 105–110 мм, диаметром 73–75 мм, при температуре 12 °С, должно иметь компактную пену, обильное и медленное выделение пузырьков углекислого газа и соответствовать следующим показателям: высота пены бочкового пива — не менее 15 мм; высота пены бутылочного пива — не менее 20 мм; пеностойкость бутылочного пива — не менее 20 мин; пеностойкость бочкового пива — не менее 1,5 мин
Вкус и аромат	Чистый вкус и аромат сброженного солодового напитка с хмелевой горечью и хмелевым ароматом без каких-либо посторонних привкусов и запахов. Пиво должно обладать присущими ему особенностями: «Жигулевское» — солодовым и хмелевым вкусом;

Показатели	Характеристика
	«Московское» — сильно выраженным хмелевым вкусом и хмелевым ароматом; «Ленинградское» — хмелевым вкусом с винным привкусом и хмелевым ароматом; «Мартовское» — слегка сладковатым вкусом и ясно выраженным солодовым ароматом; «Украинское» — ясно выраженным вкусом и ароматом темного солода; «Портер» — солодовым и винным привкусом; «Бархатное» — сладким вкусом и солодовым ароматом.

«Портера» и «Бархатного» я там не видел. А вот «Жигулевское» было вполне достойное. Как сейчас вижу испарину на полных графинах, которые, штуки по три в каждой руке, официанты тащат к столам.

Из-под полы продавали чешское – «Пльзенский Праздрой», «Будеевицкий Будвар», «Старопрамен», немецкое «Radeberger», польское пиво «Okocim». В Москве в магазинах оно бывало, но редко. Там для своих стоило от 1,5 до 3 рублей за бутылку.

При входе в зал, слева, была витрина с закусками. Цыпленок-табака по 2.70. Вкусный. Говорят, причем разные люди, что там были лангустины. Я не помню, вполне может быть.

Соответственно, креветки. Вообще, пивные бары тогда делились на: 1) где есть креветки и 2) где нет креветок!

В «Жигулях» они, конечно, были. И порции большие, опять же, в отличие от «Ямы». Там они были тоже хороши, но мало на тарелке их присутствовало. А здесь нормально, большая тарелка, и крупные.

Ну и остальные обычные для таких заведений закуски: скумбрия, красная, белая рыба, икра, кальмары. Этих цен не помню. Да, еще свои люди могли заказать шашлык. Его готовили наверху в кафе «Валдай» и таскали готовый сюда вниз.

Крепких напитков официально не было. Но при желании было все, включая французский коньяк «Бисквит» по умопомрачительным ценам. То ли 30, то ли 50 рублей.

Фото Владислава Быкова. Огромное окно перед входом в «Жигули» сохранилось с самого открытия. Именно вдоль него всегда стояла очередь в бар

Была, конечно, масса историй. Шиком среди нас, студенческих раздолбаеев, считалось вынести из «Жигулей» полный графин с пивом. Обычно это удавалось в осень-весну. Можно было на руку с графином накинуть плащ и важно прошествовать мимо метрдотеля. Зачем он нужен, этот дурацкий графин, было совершенно непонятно, но понты, понты, понты…

Однажды я сидел в “Жигулях”, почему-то один. Не помню почему. Обычно все туда ходили компанией. Это был год 1987 или 1988-й. Я вернулся из армии, куда загремел, когда по дурости бросил МГПИИЯ им. Мориса Тореза с четвертого курса. И, вернувшись, зачем-то перевелся на факультет журналистики МГУ. То была очередная глупость, конечно. И вот сижу в «Жигулях», потребляю пиво. В те годы торчать на Арбате было модно. К тому же я организовал тогда литературную группу «Посох», мы первыми стали читать стихи на Арбате и продавать их в виде напечатанных листков А4. И шло. И покупали!

Но не в этом суть. Сижу за столиком, пью пиво. Появляется этакий толстяк. Он сидел за соседним столиком, но решил ко мне.

– Можно?

Я кивнул. А что делать?! И началось. Пили, пили, пили. А он здоровый, толстый, в него цистерну влить можно.

Короче, пиво полилось рекой и Ниагарским водопадом. Потом резко настал вечер. «Жигули» закрыли. Нас выпихнули. Дальше мы перешли на лавочку на Гоголевском бульваре. Предварительно затарившись в Новоарбатском гастрономе. Какие-то портвейны, водки… И беседы о литературе.

Цитирование Северянина, Шершеневича и Казакова (меня) прерывалось марш-бросками опять в «Новоарбатский». Благо он допоздна работает.

Дальше, расчувствовавшись от величия русской поэзии, мы гоняли бульварных ворон, стуча палками по деревьям. Ибо нечего тут каркать!

Потом и «Новоарбатский» закрыли. Ночь. Я помню крик толстяка:

– У меня дома еще полторы бутылки водки заначено!

Едем куда-то, вроде на Комсомольский проспект. Помню крик какой-то женщины в квартире:

– Опять нажрался и еще с собой дебила приволок!

Дальше, помню, пьем ту самую спрятанную водку, почему-то из супового половника, и закусываем вишневым вареньем.

Проснулся на раскладушке. Раннее утро, солнце. В голове благородное безумие. Рядом на полу лежит толстяк в трусах. Он тоже проснулся и увидел меня:

– Ты кто?!

Я, как мог, объяснил. Толстяк тяжело вздохнул и кивнул. Кое-как, через силу добили остатки водки, опять зажевали густым вишневым вареньем.

– Сегодня среда?

Я кивнул.

– В универ надо ехать.

– И мне.

– На журфак… Не далеко хоть, – продолжил толстяк.

– И мне на журфак, – уже насторожился я.

– А ты кто там? – спросил я хозяина квартиры.

– Я преподаватель русского языка!

– А я – студент!

– Из какой группы, фамилия?

Я называю.

– Так это я тебя не вижу уже полгода на лекциях?!

– Так это я тебя не могу сколько месяцев найти в универе, чтобы пересдать русский язык?!

Мы обнялись. Как такое событие, можно сказать, исторического единения студенческого и преподавательского состава МГУ не отметить? А где отмечать?! Понятное дело, что отправились отмечать обратно. В пивной бар «Жигули». Кстати, я и потом ничего не пересдал. Не случилось.

Еще одну показательную историю рассказал мне Юрий Московский, ныне Председатель комиссий по национальностям при Правительстве Москвы:

«Помню, как в “Жигулях” мне очень неожиданно ответили мои друзья, молодые офицеры на вопрос старого анекдота, мол, может ли сын генерала стать маршалом? Вместо традиционного ответа – “Не может. У маршала свой сын есть”, мне сказали, что МОЖЕТ.

А на недоуменный вопрос, каким образом, ответили: “Если генералы перестреляют маршалов”. Стало еще более понятно, что Союзу осталось жить несколько месяцев, коль и эти слои охватили такие идеи. Был май 1991 года».

С развалом Союза пошли под откос и «Жигули». Пивной бар закрыли. Сделали какой-то мутный восточный ресторан. И долгое время там была полная чепуха. Но потом вдруг все изменилось. В середине нулевых «Жигули» открывают заново. Меня, кстати, приглашали на открытие. Как журналиста. Я тогда вел «Алкогольные хроники» в «Экспресс-газете».

Опять цитирую московского старожила Владислава Пучкова:

«Несколько лет назад на месте прежних “Жигулей” возник некий ресторан с замысловатым восточным названием и такой же кухней. У входа в новое заведение были замечены пузатые, небритые, смуглолицые – по-видимому, владельцы. Ресторан просуществовал недолго, не

оставив после себя ни следа, ни воспоминаний. В начале 2010-х ресторан-бар принадлежал сыну Иосифа Кобзона Андрею.

Теперь здесь работает ресторан “Жигули” и пивной бар (2 зала) от Московской Пивоваренной Компании, безудержно эксплуатирующие былую славу (в частности, выпускает фирменное нефильтрованное пиво “Жигули”, которым и торгует).

Марка ностальгически-отечественная, но с интернациональными составляющими: оборудование – немецкое, хмель из Чехии. Вода – мытищинская, с глубины 320 м. Процесс брожения – 21 день.

Кухня смешанная, подчеркнуто советская, и состоит из русских, кавказских, узбекских, немецких, средиземноморских и азиатских блюд, так что каждый посетитель без труда сможет подобрать для себя идеальное кушанье. Среди невероятного выбора закусок можно найти и отварных раков, салат «Цезарь» с креветками. Выступления ВИА каждый вечер, ретро-дискотека. Наплыв любителей пива не спадает…

Ну что ж, хорошо, конечно, что открыли! А потом…

В. В. Путин и Д. А. Медведев пьют пиво в «Жигулях». Стоит – владелец ресторана А. И. Кобзон

В 2012 году “Жигули” посетили В. В. Путин и Д. А. Медведев. 1 мая, после демонстрации. Как в старые добрые времена. Сейчас подумал, а ведь 2012 год – это же тоже очень давно уже. Это видно хотя бы по ценам. На следующий день после высочайшего визита в пивную вышла заметка в “Российской газете”. Цитирую.

02.05.2012 23:21 «Российская газета»
Медведев и Путин отметили Первомай в баре «Жигули» на Новом Арбате
Игорь Елисеев

После демонстрации профсоюзов Дмитрий Медведев и Владимир Путин заехали в бар «Жигули» на Новом Арбате. В заведении утверждают, что для них визит тандема стал неожиданностью.

– Лишь накануне просочилась информация, что к нам едет кто-то из мэрии, – рассказывает директор «Жигулей» Андрей Костин. – Но до последнего мы не знали, что будут первые лица.

Из двух залов бара президент с премьером выбрали самый демократический, который сами сотрудники «Жигулей» называют «столовой» или «фаст-фудом». Здесь все просто: берешь поднос, выбираешь блюда, идешь к кассе.

Заведение принадлежит сыну Иосифа Кобзона Андрею. Кобзон-старший здесь частый гость, из других знаменитостей сюда не так давно заезжал Михаил Прохоров, отмечал день рождения Владимир Винокур, его гостями были Лев Лещенко и Наташа Королева.

– Местечко симпатичное, я не был здесь ни разу, – признался Медведев и, отказавшись от услуг официанта, пошел выбирать закуски. Также поступил и премьер. Причем Путин решил не обходить ограждающий линию раздачи парапет, а просто перемахнул через него.

Оба вернулись за стол с подносами: президент взял отварной картофель с треской, премьер – жареную картошку и колбасу из баранины. Оба заказали по бокалу нефильтрованного пива.

– Посетителей было немного, – продолжает директор. – Никаких ограничений сотрудники спецслужб не ввели, атмосфера была демократическая. Медведев с Путиным сели за столик в центре зала, к ним подсели депутаты и профсоюзные деятели. А вокруг сидели обычные посетители: выпивали, закусывали, свободно подходили к кассе.

Как утверждают в «Жигулях», у них на кухне не было поваров ФСО: обычный персонал готовил из обычных продуктов.

За президентско-премьерским столом первомай отмечали в основном пивом отечественного производства: «Жигулями» нефильтрованными. Исключение составил депутат Госдумы пермский токарь Валерий Трапезников: он заказал рюмку водки. По свидетельству Трапезникова, в итоге каждый заплатил сам за себя, лично он – 790 руб., а чеки он видел у всех, включая президента и премьера.

В заведении счета гостей не комментируют, но говорят, что это несложно подсчитать. Например, чек Медведева должен был составить: 100 грамм трески и столько же картошки – 110 и 40 рублей соответственно, всего 150. Ну и кружка пива еще 120 руб.

Кстати, если бы гости все то же самое выпили и съели в зале-ресторане, то счет бы заметно вырос. Кружка тех же нефильтрованных «Жигулей» в ресторане обойдется уже в 170 руб., а порция трески с обжаренным картофелем – 450 руб.

Путин с интересом откомментировал: теперь мы знаем, что один рак стоит 110 руб. А в соседнем зале точно такой же рак – уже 165.

Как с чувством заметил владелец заведения Андрей Кобзон, вручая ВИПам карты постоянного гостя: «Вы нам праздник устроили!»

– «Жигули» – лучший бар, – отреагировал Медведев и, демонстрируя карту на камеру, объявил: – Делаю вам промоушен.

Но промоушен не очень и требовался. Посидев с часок и обсудив экономику, спорт и необходимость поднятия престижа рабочих профессий, гости покинули заведение. После чего в «Жигули» началось настоящее паломничество.

– Полный аншлаг, – комментирует Костин. – Едва успевали обслуживать.

Наплыв не спал до сих пор. Накануне подписания номера мы связались с заведением. По словам директора, в «Жигулях» многие хотят посетить место, где обедали первые лица. В основном спрашивают, что ели и что пили Путин с Медведевым, и заказывают «то же самое».

Пиво для «Жигулей» поставляет Московская пивоваренная компания. Нефильтрованные «Жигули» – марка ностальгически-отечественная, но с интернациональными составляющими: оборудование – немецкое, хмель из Чехии. Вода – мытищинская, с глубины 320 метров. Процесс брожения – 21 день.

Из меню

Пивной бар на Калининском проспекте (сегодня – Новый Арбат) появился в 1960-е годы.

Средний чек в основном зале «Жигулей» – 1200–1500 руб., в «столовой» можно перекусить с пивом за 500.

Самое дорогое пиво: 0,5 л бельгийского нефильтрованного «Бланш де Неш» – 250 руб., самое дешевое «Жигули» – 120.

Водка: от 160 до 285 руб. за 50 мл «Байкала» и «Белуги» соответственно.

Самая демократическая закуска – вобла, 100 граммов стоит 160 руб. Корюшка – 350 руб.

Креветки отварные с соусом (320 гр.) – 360 руб.

Гений места «Жигулей» ожил. Все равно что-то московское исчезло. Наверное, время ушло и люди ушли. Те, для кого в 1968 году и открывался пивной бар. Естественный процесс. И все же я очень и очень рад, что хоть одно место из традиционной Москвы, той, нашей юности и молодости, сохранилось. В Москве это редкость. Традиция московская рвется и уже почти прервалась. Недавно обнаружил милые строки на Стихи. ру. Автор – Алексей Петров-Хост.

Ресторан «Жигули»

Давно мечтал и вот попал
С друзьями в Жигули.
Забыл, когда пивко пивал
До утренней зари.
Бывало, в юные года
Ходили в КПЗ.
Пивной на Киевской так Зал
Мы звали в СССР.
Встречал на входе в зал фазан,
И он же провожал.
И почему, никто не знал,
Вход в зал фазан венчал.
Но круче всех был Жигули,
Пивной роскошный бар,
Но, чтобы пиво в нем попить,
Народ ночей не спал.
Стояла в очередь толпа
Любителей пивка,
Чтоб влить пшеничного в себя
По полные бока.
Закуска градусы крала,
И каждый раб пивка
Солёной сушкой заедал,
Чтоб хмель не отступал.
Любитель пенного пивка,
Что побогаче был,

Креветки брал или рачка
И с ними пиво пил.
Любили водочку подлить
Мы в кружечку с пивком,
И языком потом блудить
Всяк каждый о своем.
Наутро встать мы не могли.
Драконил перегар.
И только пиво Жигули
Жизнь возвращало нам.
Так чтоб былое посетить,
Вернуться в СССР,
Я в Жигули решил зайти
И выпить в этот день.

28.04.2024.

Но про упомянутый «КПЗ» разговор позже… А пока…

Гулять в Парк Горького!

Пивной бар «Пльзеньский»
Кафе «Керамика»

Крымский вал, 9,

тел.: 237–12–63

тел.: 237–15–37

Впервые я попал в парк Горького, наверное, совсем в мелком возрасте. С родителями. Об этих посещениях прекрасного парка сохранились лишь туманные, но добрые воспоминания. Парк был реальным чудом. Практически центр города, а совсем другой мир. Абсолютно другой.

Тогда ни о каком пиве и остальных напитках я, конечно, не думал. Но потом взрослел, взрослел, и выпускной вечер… И на следующий день с одноклассниками Сашей Григорьевым и Юлькой Михайлиди отправились в тот самый парк Горького.

Шлялись, скакали, пили пиво в «Керамике» – мы же уже взрослые, школу закончили! И, напившись пива, сухого вина, катались на лодках до одурения, вертелись на огромном, как нам казалось, колесе обозрения. Это и было началом моей пивной эпохи в парке Горького.

Волшебное место. Светло-коричневые дорожки, поскрипывающие под ногами мелким песком, беседки, домики, таинственные развалины каких-то древних сооружений, из зарослей вдруг выглядывают загадочные статуи красивых женщин… Да и без статуй красивых женщин в парке Горького хватало.

Кстати, однажды с другом забрались совсем вглубь. Там был уже и не парк, а практически первозданный лес. И вдруг посредине этого леса, между елок и платанов, стоят два пивных автомата! И никого рядом. И ничего вокруг, ну на полкилометра точно. Ни столиков, ни будки с теткой для размена монет, ни кафе какого. Причем автоматы работают. Блестят зеленым огоньком. Типичное «В гостях у сказки». Но кружек, разумеется, тоже нет.

У нас был с собой какой-то никчемный «Буратино». Который был немедленно вылит, горлышко бутылки просунули к соску и бросили двадцатку. Автомат подумал, побурчал и… выдал отличное пиво! Ну, по крайней мере, нам так показалось. Уж больно фантастическая встреча с прекрасным, считай, в глухом по московским меркам лесу.

Фото Владислава Быкова. Парк Горького – культовое место советской Москвы и по пиву, и по отдыху

Собственно, пивных как таковых в Парке Горького было две. Это уже упомянутая «Керамика» и пивной бар «Пльзеньский», как он официально именовался. В просторечье – «Пльзень». Но сначала надо рассказать немного о самом Парке культуры и отдыха им. Горького.

Что же это за место «Парк Горького»? Культовое, это даже слишком просто для этого чудесного парка почти в самом центре столицы. Именно как парк культуры и отдыха его открыли в 1928 году. Вот как об этом писала тогдашняя пресса.

Газета «Московский день», вторник, 14 августа 1928 г.

«Открылся парк культуры и отдыха»

«Вас встречает человек с плакатом: “Пойдем со мной, весь парк тебе я покажу и про работу расскажу”. Людские потоки идут по аллеям, павильонам, выставкам, площадкам, – бесконечное людское море…

Прекрасное впечатление оставляет культбаза: консультации, викторины, души, комнаты для отдыха, радиогостинные…

В читальне – удобные плетеные кресла и книги.

Небольшие книжки выдаются без документов. Пожалуй, слишком тесно друг к другу расположены многочисленные площадки. Все виды “болов” – баскетбол, волейбол, хандбол, гигантские шаги, теннис, гимнастика, трапеции, лестницы и… замысловатый индербейэбол: массовая игра в мяч…

Ребят до 4 лет можно оставить в яслях. Здесь их накормят и уложат спать в маленькие кровати с белоснежным бельем.

Десятки забав в детском городке, где улыбаются довольные личики детишек. Ребенок остается в яслях, а мать идет осматривать парк.

Очереди у ресторана, чайной и закусочной.

Телятина – 70 коп.

Осетрина – 80.

Вечером – яркий электрический свет залил территорию парка. Толпы направились к театрам и кино. Билеты брались с бою. Желающие отдохнуть скрылись в прохладе вековых деревьев Нескучного сада, гуляли по набережной, откуда дивный вид на реку, с сотнями снующих лодок и лилипутов-пароходиков…

Мы получили место для отдыха, которое через год-два превратится в ценнейший культурный очаг. Надо научиться и вести себя культурно на его территории…».

Что такое «индербейэбол: массовая игра в мяч…», я так и не нашел – ни в справочниках, ни в интернете. Наверное, что-то этакое, забытое напрочь сейчас.

Чего только не было в том парке культуры имени писателя Максима Горького! Имя писателя присвоили ему, кстати, в 1932 году. Кроме развлечений там еще проходили выставки достижений сельского хозяйства.

Увидел план местности парка и не выдержал, скопировал подписи к нему. Это все очень полно передает колорит того времени и дает красноречивый ответ тем хулителям прошлого, которые, может, даже и вполне искренне полагают, что «раньше было некуда пойти». Читайте и думайте про «раньше и сейчас»:

«Условные обозначения на плане парка культуры и отдыха: 1 – главный павильон; 2 – малый театр; 3 – закрытый кинотеатр; 4 – лекционный и выставочный зал; 5 – большой театр; 6 – фото-кино-студия; 7 – астрономический павильон; 8 – спиральный спуск; 9 – карусель-тоннель; 10 – цирк; 11 – тир; 12 – таинственная комната; 13 – колесо-качели; 14 – управление парка; 15 – танцевальная площадка № 1; 16 – чайная-закусочная; 17 – база массовой работы; 18 – 1-я база физкультуры; 19 – поле массовых игр; 20 – гигантские шаги; 21 – площадки физкультурных игр; 22 – качели; 23 – теннис; 24 – кегельбан; 25 – городки; 26 – американские бега; 27 – столовая № 2; 28 – вокзал-турист; 29 – катание на животных; 30 – справочное бюро Мосрекламиздата; 31 – детская железная дорога; 32, 33 – учреждения для детей школьного возраста и подростков; 34 – дом дошкольника; 35 – главная столовая; 36 – навес мелких аттракционов; 37 – ватершют; 38 – воздушная дорога; 39 – ясли; 40 – эстрада на площади Смычки; 41 – прокат водных лыж; 42 – дом Осоавиахима; 43 – чайная-закусочная “Поплавок”; 44 – эстрада симфонического оркестра; 45 – 3-я (водная) база физкультуры; 46 – самоварный павильон; 47 – театр малых форм; 48 – комендатура бывшего сада Коммунальщиков; 49 – городки; 50 – филиал центра…; 51 – танцевальная площадка № 2; 52 – буфет; 53 – 2-я база физкультуры; 54 – площадка для массовых физкультурных игр; 55 – кегельбан; 56 – колесо-качели; 57 – лабиринт; 58 – 1-я каменная беседка; 59 – 2-я каменная беседка».

А кроме всего перечисленного, включая новое на тот момент, сама местность, где расположился Парк Горького, – древняя и историческая.

Вот что рассказывает о ней в интереснейшей работе об истории этого места «Парк культуры» Анатолий Дмитриевич Рублев:

«Центральный парк культуры и отдыха им. М. Горького расположен в Центральном округе Москвы и занимает 112,7 га. Парковая территория простирается с севера на юг вверх по течению Москвы-реки от Крымского моста до Воробьевых гор. С востока территория ограничивается Ленинским проспектом.

Протяженность парка составляет около 3 км в длину при ширине от 200 до 600 м. На расстоянии 800 и 600 м от главного входа в парк расположены, соответственно, станции метрополитена “Парк культуры” и “Октябрьская”. Остальные входы в парк находятся на Титовском проезде и в Нескучном саду – в глубинной части парка.

Летом посетители пользуются услугами речного пароходства, имеющего в парке пристань. Кроме того, в парк можно попасть через Андреевский мост со стороны Фрунзенской набережной.

Фото Владислава Быкова. Стройка в парке видна еще с Крымского моста. Бывший Пльзень уже снесли

Исторически в парке сложились две зоны: партерная часть, существующая, как и ЦПКиО, с 1928 года (68,9 га), и Нескучный сад, существующий как зеленая зона отдыха с XVIII века (40,8 га).

Ко времени далекого прошлого восходит история этих мест. Свыше восьми столетий назад, еще в 1147 году, здесь, на берегу Москвы-реки, возникло первое поселение – Городище “дьяковского” типа в окружении валов со рвами.

Считается, что свое название Воробьевы горы получили по имени села Воробьево, существовавшего здесь в средние века.

В конце XV века княгиня Софья Витовтовна, дочь великого князя Литовского Витовта (лит. Витаутас) и жена великого князя Московского Василия I, купила село Воробьево у православного священника по прозвищу Воробей. По одной из версий, именно ему Воробьево

обязано своим названием. После продажи село стало сначала великокняжеской, а затем и царской летней резиденцией.

Небезынтересно в этой связи узнать, что в советское время Воробьевы горы носили название “Ленинские горы” в честь В. И. Ленина. Название местности “Ленинские горы” было неофициальным, его ввел в обиход Лазарь Каганович. Тем не менее название “Ленинские горы” было народным, обиходным, официально же Воробьевы горы всегда оставались Воробьевыми.

В 1612 году это место стало бранным полем: Кузьма Минин, перейдя с отрядом воинов русского народного ополчения Москву-реку вброд, разбил здесь польско-шляхетские войска под руководством гетмана Хоткевича, который бежал за Воробьевы горы и оттуда – за пределы Руси. Ровно через 200 лет, в 1812 году, отсюда по Крымскому валу – по старой Калужской дороге – также постыдно отступали битые полки Наполеона Бонапарта».

Фото Владислава Быкова. Фонтаны в парке Горького прекрасны. И пока без десантников!

И это все наш Парк Горького! Теперь ближе к пиву. Как ни крути, а место, традиция, история создают ауру пивных заведений в Москве. Рядовой москвич, направляясь в любимую пивнушку, может всего это и не знать, но в особом московском воздухе разлито нечто главное, традиционное, вечное, что направляет обывателя в определенные места.

Вот, например, считается, что именно на территории парка был похоронен известнейший бунтарь, герой русского фольклора или же, как писали в советское время, «защитник угнетенных», «предтеча революционеров», «полководец и политический деятель» Степан Тимофеевич Разин.

Он, донской атаман, воевал с крымскими татарами и турками. В 1667–1669 годах с отрядами казацкой голытьбы совершил походы на Волгу и Яик (ныне р. Урал), по Каспийскому морю в Персию. Весной 1670 г. возглавил восстание казаков и крестьян, которое было жестоко подавлено. И 6 июня 1671 года Разин был казнен четвертованием в Москве.

В начале восьмидесятых годов прошлого века возникла группа энтузиастов, которая якобы нашла документы, подтверждающие легенду о захоронении вождя восставших на тер-

ритории парка. Они выступили с инициативой установить памятный знак Степану Разину в Парке Горького.

Комиссия Мосгордумы по монументальному искусству, куда обратились инициаторы, не одобрила эту идею, а искусствоведы в свою очередь опровергли утверждение инициаторов о том, что останки Разина были захоронены на бывшем Татарском (Басурманском) кладбище.

На этом все и закончилось. Однако в том месте парка Горького, где инициаторы планировали поставить памятный знак, до сих пор имеется бетонное основание. Теперь эта небольшая ровная площадка используется для нужд местного предпринимателя, имеющего здесь небольшое кафе.

Так пишет упомянутый мной историк А. Д. Рублев. Казалось бы, где пиво и где Степан Разин? А вот где! В Питере был старейший Калинкинский пивоваренный завод, основанный еще в 1795 году. Он был крупнейший в Российской империи. А в 1922-м он был переименован в «завод им. Стеньки Разина»!

Затем для солидности он стал «им. Степана Разина». И с разными вариациями существует до сих пор. Типа «Технопарк “Степан Разин”». И пиво «Степан Разин» было популярнейшим. А предполагаемая могила казацкого бунтаря, как я уже писал, именно здесь! В московском Парке Горького!

Теперь к пивным внутри. Как я уже писал в самом начале, в Парке Горького их две основных. Пивной бар «Пльзеньский» и кафе «Керамика». Начну с менее значимого, но для меня более красивого места – «Керамики».

«Керамика» – это летнее кафе в стилистике 1930–50-х годов. Прямоугольной формы. По бокам коричневая каменная ограда в виде пузатых полуколонн где-то по пояс. В мои годы она была строго стоячая. Размен монет, выдача пива в розлив прямо по ходу в окошке в стене. Там же продавалась всякая мелкая пивная ерундень. Типа ломтиков соленой картошки, ныне называемой чипсами, сушек, баранок и т. д.

Фото Владислава Быкова. Через эти ворота когда-то проще было дойти до «Пльзеня»

Кстати, рассказывал мне мой приятель, который работал на комбинате по производству этой картошки, что у нас ее действительно делают из картофеля. В отличии от западных аналогов, где один крахмал и пищевые добавки. Не знаю, может, и так. Разговор был давно, в девяностые.

Место было популярное. Напротив – пруды, колесо обозрение… В свое время попадалась фотография известного тележурналиста Николая Сванидзе, ныне покойного, и ныне иноагента Евгения Киселева, стоящих в «Керамике» с пивом. Совсем молодые, студенты истфака МГУ. С ними обоими я немного работал в программе «Вести» в 1991 году. Как меняется мир, как меняются люди…

Поэт Юрий Сенин не так давно написал такое ностальгическое стихотворение.

Пивбар Керамика

Когда дочка была совсем еще маленькой,
Я всегда пил пиво в пивбаре «Керамика»,
А по озеру плавали гуси-лебеди,
Ты кормила их крошками и тефтелями.

Голова, как обычно, полна дифурами,
А еще мелодиями и амурами,
И сейчас я слышу «Hey Jude» и «Yesterday»,
Я не знал, что у зла чудные методы.

Колесо все кружилось, нам было весело,
У меня получалось из сказок месиво,
Дэвы вместе с Иванами с жизнью спорили,
Деревянные воины жгли территории.

Отхлебну я пивка, заем сухариком,
Все остатки отдам дворовым Шарикам,
Мы пойдем по аллее ко входу медленно,
У тебя «Эскимо», ты вся обветрена.

12.10.2022

Парк Горького был «своим» для студентов нескольких вузов. Конечно, сюда съезжалась молодежь со всей Москвы, но именно «своими» здесь были студенты моего родного иняза, МГИМО, МИСИСа, Текстильного и нескольких факультетов МГУ, в основном истфака, журфака и филфака. То есть те, кто был в пешей или троллейбусной доступности до места.

Фото Владислава Быкова. В парке прекрасно просто гулять летом

У нас, студентов МГПИИЯ им. Мориса Тореза, здесь была физкультура. Так как большинство из нас во время года прогуливали ее, нужно было летом усиленно отрабатывать прогулы.

У нас была строго-обязательная форма – красные трусы и белая майка. Почему были выбраны эти спартаковские цвета, непонятно. Но они меня устраивали, с детства был болельщиком «Спартака». С футболкой было просто, а вот красные революционные трусы пришлось поискать по магазинам. В итоге мать села за швейную машинку – раньше почти в каждой семье была швейная машинка – и сотворила мне прекрасные алые трусы.

В раздевалке маленького стадионичка, слева от Центрального входа, мы переодевались. И зажав в кулачке рубль, а то и трешку, выходили на кросс. Под водительством преподавателя Лалоянца. Хороший мужик, такой сухопарый, подтянутый армянин. Как звали, не помню.

Кросс начинался у стадионичка и… для большинства заканчивался на полдороге. Когда достигали «Керамики», а маршрут коварно проходил как раз мимо пивной, мы трусцой вбегали в заведение и протягивали потом рублевичи тете в окошке.

И наслаждались видами на пруд, на лодки и на красивых девушек… Каменных и настоящих. Настоящие, кстати, продолжали грустно бегать. Кстати, я так и не узнал, какая была конечная точка тех забегов. Для меня они заканчивались в «Керамике».

Фото Владислава Быкова. Красота парка притягивает уже несколько поколений москвичей

Интересно, что и преподаватель Лалоянц, потрусив для приличия еще немного с девочками, тоже возвращался в «Керамику». И пил пиво за дальним от нас столиком. И все делали вид, что друг друга не знаем. Но его присутствие было важно.

Потому что, когда через какое-то время он смотрел на часы, отставлял пустую кружку и трусцой выбегал из пивной, это означало, что пара кончилась. И мы резко добивали оставшееся пиво и как ни в чем не бывало гуськом бежали за нашим преподавателем переодеваться.

А вот уже одетые, без тореадорских красных трусов, мы шли гулять по парку и заходили в «Пльзень». История этого заведения очень любопытна.

Известный москвовед Алексей Дедушкин цитирует у себя в ЖЖ человека под псевдонимом **shchipok.** Москвич, 1940 года рождения. Влюбленный в наш город, особенно в Замоскворечье. Провел детство в Первом Щипковском переулке, учился в моем родном инязе. Большой поклонник В. А. Гиляровского. Фамилию и имя того человека Дедушкин, к сожалению, не указал. Вот что пишет shchipok о Парке Горького и «Пльзене»:

«Массовое поле в ЦПКиО им. Горького, одним своим краем касающееся набережной, предназначалось для МАССОВЫХ мероприятий – то для концертов, для огромного количества стоящих на ногах зрителей, то для массовых танцев-хороводов под команды массовиков-затейников, то для каких-то спортивно-образных соревнований юмористического толка для многих участников, то служило огромной танцплощадкой под оркестр, который сидел в специально выстроенной сцене-раковине, тыл которой был обращен к близкому Голицынскому пруду, и т. д. и т. п.

Фото Владислава Быкова. Интеллектуальная романтика парка Горького

Только однажды на протяжении всего лета (году в 1954-м или 1955-м – точно не помню) это поле было вместилищем гигантской многочасовой очереди в раскинутый на нем огромный брезентовый шатер в красно-белую полоску, внутри которого была устроена немецкая пивная по случаю проведения тем летом выставки ГДР в нескольких деревянных довоенных павильонах.

Эта практика проведения чего-то вроде выставок достижений народного хозяйства соцстран на протяжении всего летнего сезона началась с Китайской Народной Республики (кажется, в 1953 г.). Немцы, как мне помнится, были следующими.

После немцев все лето выставлялись чехи, которые учли прецедент бешеного спроса на иноземное пиво и возвели не шатер, в котором и жарко, и душно, а нечто вроде испанского patio с внутренним открытым двориком, назвав это “Ресторан Пльзенский”.

Москвичи, восхищенные лучшим в мире чешским пивом (оно без перебоев доставлялось в бочках из ЧССР) и чешскими закусками (разнообразными бутербродиками и горячими шпекачками с гарниром из сладкого репчатого лука, сладкой чешской горчицы и мелко рубленной зелени петрушки), упросили чехов не демонтировать этот райский уголок, а продать его Москве и поставлять в него впредь то же самое пиво. Ударили по рукам!

Множество лет после того этот работавший в теплое время года ресторан не жаловался на недостаток клиентуры – очередищи были каждый день почти сразу после открывания входных дверей в полдень.

Сначала обслуживание было официантским, на следующий год ввели самообслуживание, потом на другой год – опять официанты, на следующий год – вновь самообслуга, а потом устаканилось официантское обслуживание.

Спустя несколько лет внутренний дворик накрыли крышей. Пиво было, как и полагалось по брэнду, из г. Пльзень под названием “Праздрой”, плотностью 12 % (в разговорном чешском языке “дванадцтка”), весьма хмельное по результативности.

Но был один такой год (его я помню точно – 1961-й, потому что именно в “Пльзенском” я отметил свое поступление в иняз), когда вместо этого светлого пива целое лето поили черным пивом “Сенатор” плотностью аж 18 %!

Масса прогульщиков из близлежащих институтов (Стали и сплавов на Калужской, МГИМО, иняз) составляло “ядро” посетителей, и если встречались там со своими преподавателями, то обе стороны старательно друг друга не замечали.

Шпекачки скоро перестали возить из ЧССР, потому что наладили их производство по чешской рецептуре в Москве (кстати, не шпИкачки, как до сих пор ошибочно пишут на ценниках, а шпЕкачки – от чешского слова “špek”, т. е. сало, которым нашпигованы эти толстенькие сардельки).

Но уже в конце 1960-х пиво все чаще стало подаваться «Жигулевское», и постепенно этот очаровательный ресторанчик превратился в мерзкий шалман. Давненько не бывал я в ЦПКиО, поэтому не знаю, сохранилось ли это здание поблизости от второго входа, что поближе к набережной.

Фото Владислава Быкова. Как в парке Горького без Алексея Максимовича?! Никак

А выставки как-то потихоньку прекратились. Помнится, году в 1958-м или 1959-м была венгерская выставка, но венгры пивом не поили, а построили на аллее, что сразу за Массо-

вым полем, небольшое насквозь стеклянное бистро “Медвежонок” (официальное название – не посетительское прозвище!) рядом с колесом обозрения.

Там москвичи впервые увидели аппараты для грилования кур, и там же – кофейные автоматы итальянского типа, в которых раскаленный пар пробивался через заложенную в машину порцию смолотого кофе. Кофе такой крепости был в диковинку для посетителей парка и пользовался огромным успехом.

Думаю, на этом мне пора закруглиться, а то я уж слишком далеко ушел в своих воспоминаниях о ЦПКиО от ответа на заданный вопрос».

Автор описывает парк Горького и «Пльзень» 1950–1960-х годов. Далековато от меня. Тогда я был сверхмелким.

А вот как поэтично пишет Александр Воловик на сайте litprichal.ru:

Пльзень
(пивной ресторан в парке культуры в Москве)

Чешское пиво.
Болгарские сигареты.
Бегают
в белом
официанты.
Пиво носят.
Чешское пиво.
Небо ребристо и серо от дыма.
Сверкают шпикачки, как бриллианты
(не помню, есть ли на официантах
банты…
Ну, неважно).
Салфеткой бумажной,
вот,
утрясь,
идет корифей налево.
Выходит – довольный.
Разговор: «Сейчас бы сюда да
воблы!..»
«Раков сюда бы сейчас…»
«Да-с!..»
А совсем рядом
двое
к девушкам сели
и смущают их
взглядом.
– А что им!..
В воздухе душно и густо.
Пиво прохладно и вкусно.
Сижу в полусвете.
Белою шапкой накрыта кружка.
Чешское пиво.

Болгарские сигареты.

1965

А автор под псевдонимом Иван Ковш на сайте Проза. ру опубликовал интереснейшие воспоминания о Парке Культуры, «Пльзене» и «Керамике» уже 1970-х годов и чуть позже. Вот что он пишет:

«Повспоминав с однокашниками годы учебы в Московском текстильном институте, пришли к выводу, что нам сильно повезло.

Все пять лет мы пили настоящее чешское пиво.

Было это в 1971–1976 годах. Поступив в институт, я стал жить в общежитии. В первый же выходной старшекурсники сказали нам, первокурсникам: Мы идем в “Кирпичи”. Пойдете с нами?

Отрываться от коллектива не хотелось. Спросили, что значит “Кирпичи”, оказалось, пивная с чешским пивом. Пиво очень понравилось. Постепенно стали ходить сами. Образовалась своя компания любителей чешского пива.

История появления там чешского пива такова. Где-то с середины 50-х годов прошлого столетия в парке Горького стали проводить выставки социалистических стран. На выставках можно было купить отдельные товары и попробовать национальные блюда и напитки. Такие выставки проводились летом. Сооружались временные шатры, ставились большие палатки. Потом все это сворачивалось.

Когда очередь дошла до Чехословакии, то они не стали ставить душных шатров, а построили деревянный павильон без крыши, т. е. просто организовали внутренний дворик. Назвали его “Ресторан Пльзенский” и стали продавать там настоящее чешское пиво и колбаски-шпикачки. Пиво привозили в алюминиевых бочонках с завода в городе Пльзень.

Потом, учитывая климатические реалии, над стенами возвели крышу. Размером ресторан был примерно с баскетбольную площадку. В таком виде ресторан проработал примерно с 1955 по 1978 год. Ресторан работал то с официантами, то в режиме самообслуживания. Периодически персонал одевали в чешские национальные костюмы.

Мы попали уже под занавес. Все пять лет в ресторане было самообслуживание и никаких национальных костюмов. Столики были только стоячие, без стульев. Не было и гардероба.

На персонале были простые белые халаты. Но пиво было оригинальное, чешское, и попрежнему его привозили из Чехии в металлических бочонках.

Основным сортом пива был “Праздрой”, иногда продавали “Старопрамен”. Оба сорта были просто замечательными. Стоимость пол-литровой кружки была 24 копейки. В пивных палатках или киосках “Жигулевское” стоило 22 копейки. Ресторан находился недалеко от главного входа, ближе к набережной.

Открывался ресторан в 12.00 Среди посетителей в это время было много студентов ближайших институтов: МИСИС, Горного, Текстильного, иняза. Входная дверь была распашная, но со стойкой в середине. К полудню у входа собиралась приличная толпа. Многие нервно курили, поглядывали на часы. Старались занять более выгодную позицию для быстрейшего входа в дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.